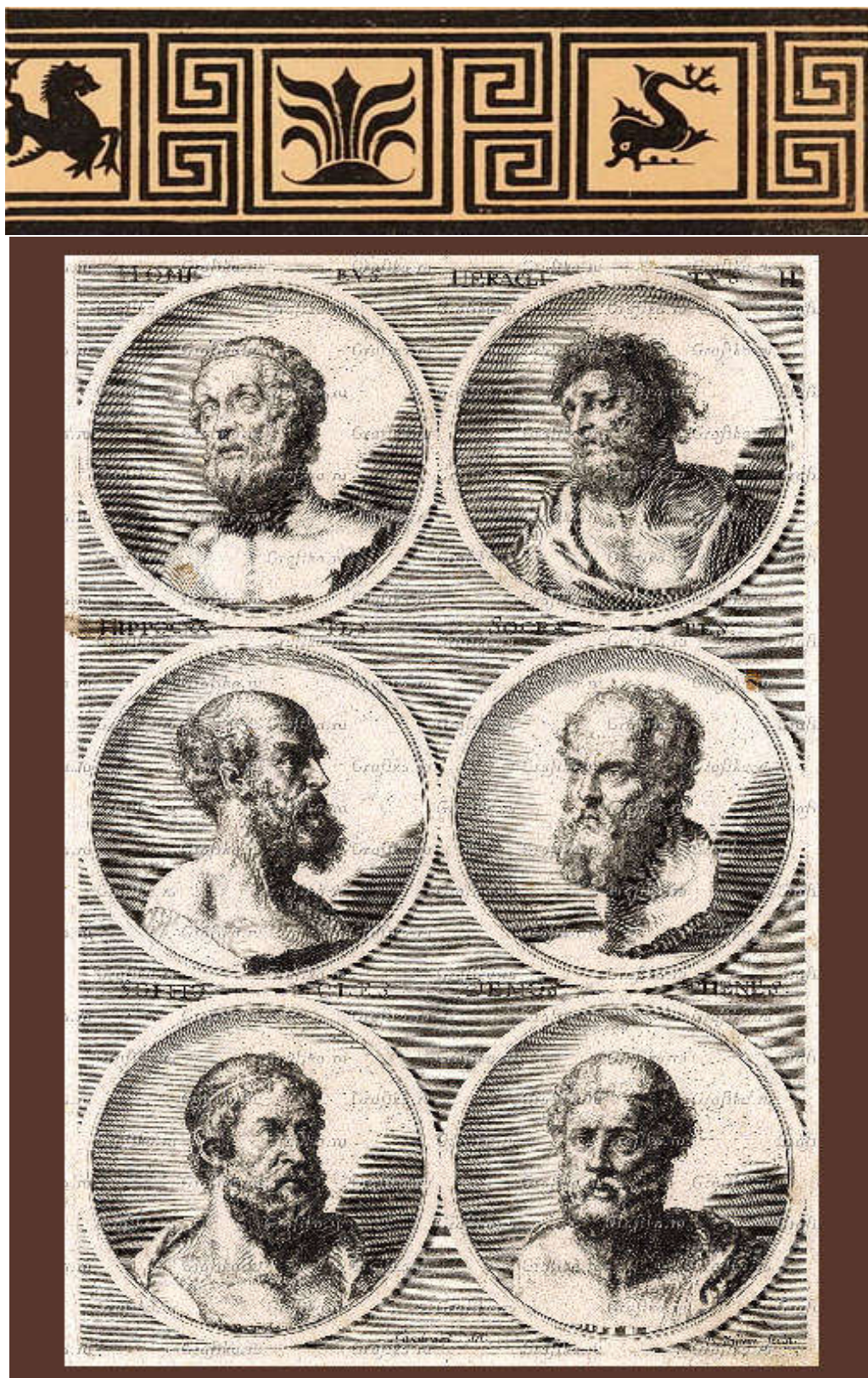

ч.1

ИСТОРИЯ

древнегреческого мышления

История древнегреческого мышления. Часть 1. Константин Рыжов/Библиотека Проекта «Галактический Ковчег», серия Царство Мудрости, 2019 г., кол-во стр. 84

© Константин Рыжов
Оформитель Феана

Об авторе

Рыжов Константин Владиславович - известный российский историк, писатель, генеалог, энциклопедист масштаба общечеловеческого. Автор увлекательнейших исторических, мистическо-приключенческих книг, среди которых наиболее популярна «Звезда Маир», автор энциклопедических серий «Все монархи мира», «Краткая история человечества с древнейших времен до наших дней». Наибольшее распространение получила серия «Сто Великих»: 100 великих библейских персонажей, 100 великих изобретений, 100 великих имен Серебряного века, 100 великих монархов, 100 Великих Пророков и Вероучителей, 100 великих россиян. В мастерской автора на Проза.Ру наиболее читаемые разделы: 209 миниатюр по истории литературы, 122 миниатюры по истории философии и религии, 513 миниатюр по истории искусства, 16 миниатюр по истории науки, Краткий реестр великих изобретений – 172. Поистине галактический размах творчества автора восхищает читателей.

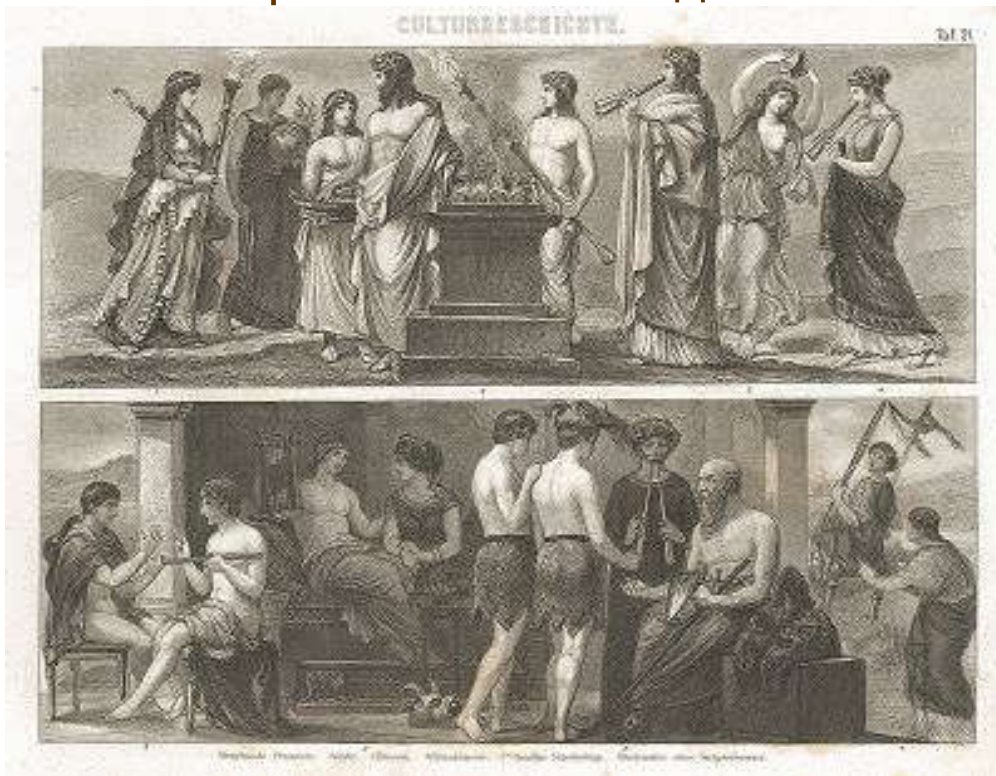
Мастерская автора на Проза.Ру

Краткие сведения

Константин Владиславович Рыжов родился 26 ноября 1964 года на Урале, в Челябинске. В 80-х годах приехал в Москву, получил образование в Московском областном педагогическом институте имени Крупской (ныне Московский государственный областной университет МГОУ), с успехом закончив его в 1990 году, получив специальность преподавателя истории и обществоведения. Со студенческих лет активно интересовался генеалогией, создал обширный генеалогический справочник, посвященный родословной российских правителей.

Работал преподавателем истории в школах города Щелково, в Щелковском краеведческом музее. Творчество автора отличают глубокие знания истории и исследовательский характер в освещении исторической науки, высокохудожественная форма изложения материала, отражённая в увлекательных романах и коротких очерках.

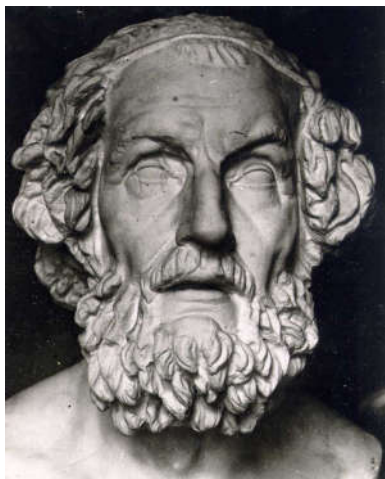
История древнегреческого мышления (от Гомера до Гиппократа) Мифологическое видение

Архаическое мировидение греков было насквозь мифологичным. Острое восприятие ими окружающей реальности — морей, гор, рассветов, пиров и сражений, луков, шлемов и колесниц — было пронизано ощутимым присутствием богов — и в природе, и в человеческих судьбах. С наибольшей полнотой это раннее мироощущение выражено в эпических поэмах Гомера и донесено до нас в "Илиаде" и "Одиссее". Здесь, на заре греческой литературной традиции торжествовало то светлое первобытное мифологическое ощущение, которое связывает человеческую жизнь тесным родством с вечным царством богов и богинь.

Ценности, что нашли выражение в гомеровском эпосе, сложились приблизительно в VIII веке до Р.Х.. Некоторое время спустя множество персонажей олимпийского пантеона были систематизированы в "Теогонии" Гесиода. В дальнейшем они никогда не уходили из греческой культуры и во многом определяли ее. Различные божества с их властью и полномочиями указывали на то, что вселенная ощущалась неким упорядоченным целым — скорее космосом, нежели хаосом. Здесь не было четкого разграничения между миром природы и миром человека: в основе лежал единый порядок, воплощавший божественную справедливость.

1) Гомер

Гомер – легендарный творец двух больших поэм об эпохе ахейских царей – по праву считается славнейшим из всех древнегреческих поэтов. В первой из них – «Илиаде» - он обратился к самому драматическому эпизоду десятого года Троянской войны - ссоре могучего героя Ахилла с предводителем греческого войска царем Агамемноном. Во второй поэме – «Одиссее» – повествуется о возвращении на родину одного из главных героев Троянской войны итакийского царя Одиссея.

Создавая свою «Илиаду», Гомер не стремился описывать всю Троянскую войну. Основная часть изображенных здесь событий укладывается в два десятка дней, но зато об этих днях говорится со всей обстоятельностью. После того как Ахилл отказался участвовать в сражениях, греки начинают терпеть поражения и, в конце концов, оказываются оттесненными к самому морю. Предводитель троянцев Гектор поджигает один из их кораблей. Увидев поднимавшийся к небу дым, Ахилл не выдерживает и отправляет в бой свою дружину под предводительством друга Патрокла. Опрокинутые внезапной атакой, троянцы откатываются обратно к стенам их города. Греки спасены, но Патрокл погибает от руки Гектора.

Весть о смерти возлюбленного друга повергает Ахилла в ужас и смятение. В его душе происходит перелом. Прежние обиды, ссора с Агамемноном кажутся ему теперь ничтожными. Всем его существом овладевают скорбь и ненависть к троянцам. Он легко мирится с Агамемноном и вновь вступает в битву. Одного за другим он сражает сотни троянцев и буквально устилает землю их трупами. Осажденные скрываются за городскими стенами, а на единоборство с Ахиллом выходит сам Гектор. Поединок заканчивается его смертью.

Утолив отчасти свою ненависть, Ахилл устраивает пышные похороны Патроклу, но отказывается предать земле тело Гектора. Однажды ночью в шатер его является отец Гектора престарелый царь Приам. Припав к ногам убийцы сына, он умоляет его вернуть тело погибшего. И Ахилл уступает. Былой гнев уходит, им овладевает предчувствие собственной близкой смерти. Держа Приама за руку, он плачет с ним о горестях человеческого существования. «Илиада» завершается описанием похорон Гектора. В этой поэме огромное количество действующих лиц, однако все это живые люди, образы которых очерчены с большим искусством. Главные герои не повторяют друг друга. Надменный Агамемнон, прямодушный Аякс, несколько нерешительный Менелай, пылкий Диомед, умудренный опытом Нестор, хитроумный Одиссей, легкомысленный Парис, мужественный Гектор, отягощенный летами и невзгодами добрый старец Приам – каждый из них имеет свой выпукло очерченный облик.

«Илиада» содержит в себе описание множества поединков, которые, тем не менее, не смешиваются друг с другом. Каждое такое описание – своего рода маленькая трагедия, рассказ о каком-то отдельном эпизоде боя. В своей совокупности они придают повествованию ощущение эпического размаха. Приводимый далее небольшой отрывок взят из шестой песни поэмы. В нем действуют ахейские цари-Атриды, братья Менелай и Агамемнон и троянец Адраст.

«...Но Адраста живым изловил Менелай копьеносный:
Кони его, пораженные страхом на битвенном поле,
Вдруг об мириковый куст колесницу с разбега ударив,
Дышло ее на конце раздробили и сами помчались
К граду, куда и других уstraшенные кони бежали,
Сам же Адраст, с колесницы стремглав к колесу покотился,
Грянулся оземь лицом; и пред павшим стал налетевший
Сильный Атрид Менелай, грозя длиннотенною пикой.
Ноги его обхватил и воскликнул Адраст, умоляя:
«Даруй мне жизнь, о Атрид, и получишь ты выкуп достойный!
Много сокровищ хранится в отеческом доме богатым,
Много и меди, и злата, и хитрых изделий железа.
С радостью выдаст тебе неисчислимый выкуп отец мой,
Если услышит, что я нахожуся живой у данаев!»
Так говорил – и уже преклонил Менелая сердце;
Храбрый уже помышлял поручить одному из клевретов
Пленника вест к кораблям мореходным, как вдруг Агамемнон,
В встречу бегущий, предстал и грозно вскричал Менелая:
«Слабый душой Менелай, ко троянцам ли ныне ты столько
Жалостлив? Дело прекрасное сделали эти троянцы
В доме твоём! Чтоб никто не избег от гибели черной

И от нашей руки; ни младенец, которого мать
Носит в утробе своей, чтоб и он не избег! Да погибнут
В Трое живущие все и лишённые гроба исчезнут!»
Так говорящий, герой отвратил помышление брата,
Правду ему говоря; Менелай светлокудрый Адраста
Молча рукой оттолкнул; и ему Агамемнон в утробу
Пику вонзил; опрокинулся он, и мужей повелитель,
Ставши ногою на перси, вонзенную пику исторгнул...»

События второй гомеровской поэмы разворачиваются через десять лет после окончания первой. Все греческие цари давно уже возвратились из похода. Нет только одного Одиссея. Верная жена царя Пенелопа по-прежнему ждёт мужа, хотя к царице сватаются многочисленные женихи, которые своими каждодневными пирами разоряют хозяйство Одиссея.

Между тем Одиссей томится на Огигии - острове нимфы Калипсо и постоянно молит богов, чтобы ему дали возможность вернуться на родину. В конце концов боги внимают его мольбам. Калипсо отправляется приказ не препятствовать больше желанием героя. Радостный Одиссей строит плот и пускается на нем в опасное плаванье. Вскоре начинается страшный шторм, однако Одиссей счастливо добирается до берега острова Схерии, где обитает народ феаков. Здесь царь Алкиной и его жена Арета, сжалившись над странником, обещают доставить его до Итаки.

В честь Одиссея устроен пир, на котором гонимый судьбой царь рассказывает о своих необыкновенных приключениях: о том, как он оказался в плену у одноглазого великана – циклопа Полифема и чудом вырвался на свободу, выколол ему глаз; о том, как большая часть спутников Одиссея погибла от рук людоедов-лестригонов; о том, как ему удалось перехитрить волшебницу Кирку, которая превращала всех своих гостей в свиней; о своем путешествии в царство мертвых; о плаваньи мимо острова сирен; о страшных морских чудовищах Сцилле и Харибде; о гибели во время шторма корабля Одиссея и о том, как волны выбросили его на остров Калипсо.

Феаки, восхищенные силой и неукротимой энергией Одиссея преподносят ему множество даров и отвозят на Итаку. Но, увы, оказывается, что страдания царя на этом не кончаются. Теперь ему предстоит отомстить женихам и вновь утвердить свою власть над островом. Богиня Афина превращает царя в нищего старика. Он находит приют у своего верного свинопаса Эвмея. Здесь же, в хижине Эвмея, Одиссея встречается с сыном Телемахом. С их помощью Одиссей в виде нищего бродяги является во дворец. Тут, постоянно подвергаясь всевозможным оскорблениям со стороны слуг и женихов, он готовится к мести.

На другой день Пенелопа спускается в пиршественный зал к женихам и обещает свою руку тому из них, кто сумеет натянуть тетиву на старый лук Одиссея и пропустит стрелу через двенадцать колец. Однако, как женихи не стараются, у них не хватает сил даже на то, чтобы согнуть лук. Тогда за дело берется Одиссей. Неожиданно для женихов он легко сгибает лук, надевает тетиву и попадает в цель. Только тогда женихи осознают, что перед ними сам возвратившийся из скитаний царь. В страхе они умоляют его о пощаде. Но тщетно! – словно коршун на голубей Одиссей бросается на своих врагов и убивает их всех до последнего человека. Когда весть об этом доходить до родственников погибших, они берутся за оружие и выступают против царя. Лишь при посредничестве богини Афины утверждается мир.

Впечатление, произведенное на греков «Илиадой» и «Одиссеей», было огромно. Они никогда не уставали восхищаться ими. За все последующие века их истории больше не появилось поэта, который хотя бы отдаленно мог сравниться своей славой с Гомером. Для многих поколений слушателей и читателей его поэмы сделались книгой книг, средоточием всей человеческой мудрости и высшим авторитетом по всем жизненным вопросам. Благодаря любовному отношению греков к своему эпосу, «Илиада» и «Одиссея» дошли до наших дней полностью, без купюр и пропусков. Однако о самом авторе поэм не осталось никаких достоверных известий. Все, что мы знаем о Гомере – это легенды, за которыми совершенно не видно реального человека. Время его жизни относят к IX или VIII в. до Р.Х. То есть, от событий Троянской войны его отделяли триста, а то и четыреста лет. Впрочем, героические песни и сказания об этой эпохе появились задолго до Гомера. Они передавались из поколения в поколение бродячими певцами-аэдами, которые исполняли их под звуки кифары на пирах и торжественных собраниях. Одним из таких аэдов, согласно традиции, и был слепой певец Гомер.

Как любой настоящий профессионал, он знал на память десятки тысяч строк поэтического текста. Возможно, все основные сюжеты будущих поэм уже были разработаны предшественниками Гомера, хотя и не объединялись еще в единое произведение. Скорее всего, это был цикл отдельных песен такого объема, что каждую из них можно было исполнить на протяжении одного вечера. Возможно также, некоторые сюжеты бытовали не в одном, а в нескольких вариантах, ведь записанного канонического текста не существовало. Каждый аэд мог изменять его по своему усмотрению и, не отступая от заданного сюжета, вносил в него незначительные изменения и дополнения.

Гомер в полной мере воспользовался плодами трудов древних певцов. При этом богатая устная традиция послужила для него не более чем канвой, которую он расшил цветами своих гениальных стихов. Он творчески переработал дошедшие до него песни, что-то соединил, что-то убрал, вставил в прежние поэтические тексты множество поразительно точных сравнений и образных зарисовок, заострил психологические характеристики героев. Другими словами, он по-новому организовал рыхлый, сырой материал, придав ему поразительную цельность, стройность и законченность. Созданные им творения, при всей своей традиционности, были настолько поразительны и необычны, что греки провозгласили Гомера единственным автором «Илиады» и «Одиссеи». В каком-то смысле это неправильно, но, с другой стороны, все-таки справедливо. Уже после своего возникновения тексты обоих поэм в течение нескольких веков передавали изустно от одного поколения певцов к другому. В своем нынешнем виде они были записаны лишь в VI в. до Р.Х.

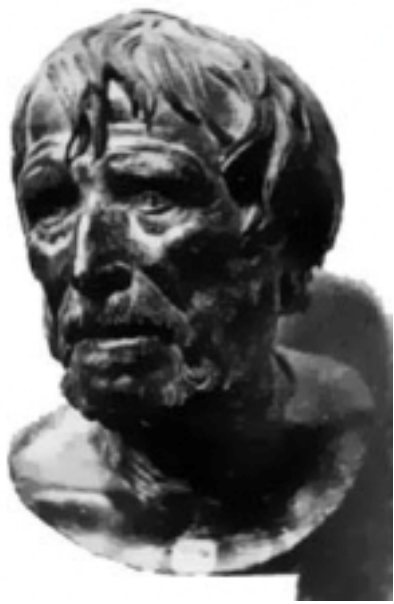
Рассказывают, что семь городов спорили между собой за право считаться родиной Гомера. Самые убедительные притязания на это имелись у Хиоса и у Смирны. Именно здесь говорили на том особенном, смешанном эолийско-ионийском диалекте, на котором сложены обе поэмы. Поэтому наиболее вероятным представляется предание, согласно которому Гомер родился в Смирне, но жил и творил на Хиосе. Здесь в северной деревушке Болисс существовало позднее целое сообщество Гомеридов – профессиональных чтецов «Илиады» и «Одиссеи». Они постоянно странствовали из одного города в другой и благодаря им творения Гомера вскоре стали известны всем грекам.

Творчество древнего аэда уже много веков является предметом самого досконального изучения. Один из вопросов, давно волнующий историков, заключается в том, насколько правдиво в поэмах Гомера описана древнейшая, героическая эпоха. Надо признать - повествование поэта поражает силой и правдоподобием. Гомер настолько тщательно и искусно описывает малейшие детали героического быта, что создается впечатление, будто автор сам участвовал в битвах под Троей или помогал Одиссею строить из бревен плот. Некоторые археологи так доверяли Гомеру, что готовы были поверить даже в придуманных им сказочных персонажей, например, в циклопов. И действительно, в ряде случаев обнаруживается удивительное сходство между отдельными описаниями поэта и предметами, найденными во время раскопок. Так, знаменитый в рост человека щит Аякса Теламонида оказался изображенным на клинке бронзового кинжала, найденного в одной

из древних гробниц в Микенах. Остатки шлема из клыков вепря, обнаруженные в той же могиле, живо напомнили описание такого же шлема в десятой песне «Илиады», а найденный здесь же золотой кубок с двумя ручками, украшенный фигурками голубей, чрезвычайно походил на воспетый поэтом «двоедонный» кубок другого героя гомеровских поэм – мудрого Нестора. Есть немало других подобных совпадений. Например, герои Гомера не имеют железного оружия, не употребляют рыбной и молочной пищи, не используют лошадей для верховой езды. Все эти реалии соответствуют действительности. Впрочем, удивляться этому не стоит. Время жизни Гомера не так уж далеко было удалено от эпохи Троянской войны (что такое три-четыре или даже пять веков по сравнению с тридцатью двумя, которые отделяют от этого времени нас?). Память о событиях прошлого была еще жива, руины древних дворцов не были полностью занесены землей, какие-то вещи древнейших ахейских мастеров могли изредка попадаться на глаза. Но, вместе с тем, современные археологи могут представить Гомеру длинный «счет» допущенных им несоответствий и прямых ошибок. Сюда следует отнести все упоминания о храмах и статуях божеств, исполненных в натуральную величину. В героическую эпоху таковых еще не существовало. Все описания царских дворцов у Гомера по крайней мере не точны. Он ничего не пишет о настенной живописи и мозаичных полах, о водопроводе и канализации, нигде не упоминает мощенных дорог и мостов. Наконец, он ничего не знает о существовавшей в героическую эпоху письменности, о большом количестве хозяйственных документов и разветвленном аппарате чиновников. Поэт едва ли до конца сознавал насколько велика была деспотическая власть ахейских царей. Все его описания, касающиеся взаимоотношений между царями и знатью, царями и народом взяты из реалий современной ему жизни и мало похожи на те, что имели место в древнейшую героическую эпоху.

2) Гесиод

Родиной Гесиода – второго после Гомера величайшего поэта Древней Греции – была Беотия. Впрочем, он стал беотийцем только во втором поколении. Сам поэт сообщает о своей семье, что его отца – купца из Кимы в Эолиде – бедность вынудила перебраться в небольшой беотийский городок Аскру неподалеку от Феспии (произошло это, вероятно, в самом начале VII в. до Р.Х.). Там и родился у него сын Гесиод, с ранних лет познавший нелегкую крестьянскую судьбу и долгие годы потом возделывавший неподатливую землю на высоких беотийских холмах. Когда отец умер, между его сыновьями возникла долгая тяжба из-за раздела имущества. Ничего радостного в этих бесконечных препирательствах двух небогатых крестьян, конечно, не было. Однако именно им обязано своим появлением самое великое из творений Гесиода – его поэма «Труды и дни». По своей внешней форме она представляет назидательное, дидактическое произведение, обращенное непосредственно к Персу, – бессовестному и непутевому брату Гесиода. Подкупив судей, Перс забрал у Гесиода доставшуюся ему в наследство часть движимого имущества, но богаче от этого не сделался! Промотав свое и чужое состояние, Перс живет подаянием, тогда как трудолюбивый, благоразумный, упорный, экономный, рассудительный Гесиод составил себе новый достаток. Отказывая брату-тунеядцу в дальнейшей материальной поддержке, Гесиод призывает его работать, прославляет добродетель честного труда, дает ему ряд важных практических советов, подробно описывает порядок сельских работ в Беотии, приводит рекомендации относительно

семейных дел, денежных вопросов и хороших манер, проповедует трезвость, честность и бережливость.

Казалось бы, что в этом особенного? Однако древние греки безмерно восхищались творением Гесиода. И в самом деле, кроме массы полезных житейских советов (можно без преувеличения сказать, что «Труды и дни» являются подлинным кладом крестьянской, народной премудрости) они справедливо находили в поэме множество чисто поэтических достоинств. Стих Гесиода звучит поразительно величаво и мощно. Вместе с тем, здесь впервые в западной литературе человек говорит о самом себе, от первого лица, и своими собственными словами.

Вторая знаменитая поэма Гесиода - «Теогония» – сочинение совсем иного рода. Ее цель – ответить на извечные вопросы: как возник окружающий нас мир? каково его устройство? откуда появились боги, как складывались отношения между ними и как они «распределили между собой обязанности» в непрестом деле мироустройства? Собрав древние мифы, Гесиод дает на эти вопросы подробные, обстоятельные ответы (право, он разбирался в божественных тайнах ничуть не хуже, чем в тонкостях ухода за волами!) Перед изумленным читателем разворачивается целая вереница сюжетов, бытоописующих жизнь Вселенной от возникновения упорядоченного Космоса до начала человеческой истории. Конечно, в наше время «Теогония» кажется сказочной и наивной, но это нисколько не умаляет ее значения, как одного из величайших творений древнегреческой культуры. Читая ее следует помнить, что перед нами едва ли не первая попытка человеческого духа дать некую целостную картину мира.

По общему мнению историков, Гесиод не внес в излагаемые им события ничего своего, а лишь объединил и систематизировал очень древние предания и мифы. Сравнивая сюжеты гесиодовской «Теогонии» с аналогичными сочинениями восточных народов, можно заметить много общего. Прежде всего бросается в глаза отсутствие Единого Творческого начала, стоящего у истоков бытия. В начале мироздания Гесиод видел только слепую безликую громаду, которую греки называли Хаосом. Божественное Начало, растворенное в ней, проявляется лишь в результате акта Рождения. Поэтому огромную роль в устройстве мироздания играет сексуальный элемент - боги вступают друг с другом в браки и рожают других богов.

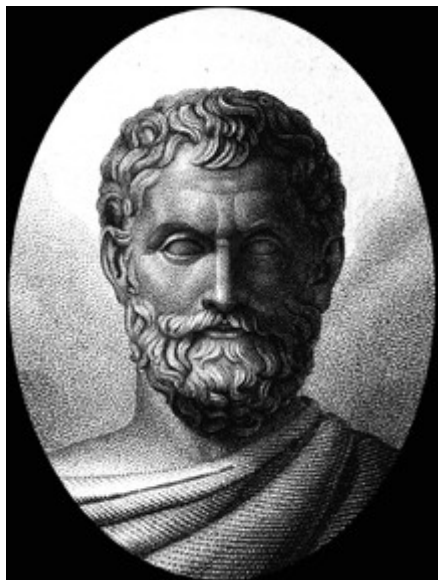
Ионийская натурфилософия

В начале VI в. до Р.Х. в Милете — крупном процветающем ионийском городе, расположенном на востоке греческого мира, на побережье Малой Азии, — начался великий сдвиг. Именно здесь Фалес и его последователи Анаксимандр и Анаксимен, имевшие и досуг, и любознательность, предприняли такую попытку постижения мира, которая не только внесла коренные изменения в его картину, но и оказалась чревата великими последствиями.

Эти первые ученые пришли к знаменательному заключению, что за текучестью, изменчивостью и многообразием мира стоит некое рациональное единство и порядок, и отныне их задачей стало обнаружить этот основополагающий принцип, или начало — *arche*, которое и правит природой, и составляет ее суть.

На данной стадии отчетливо прослеживается смешение мифа и науки; об этом свидетельствует уже главнейшее утверждение, приписываемое Фалесу, в котором он признает как единую и объединяющую первомерию, так и божественную вездесущность: "Все есть вода, и мир полон богов". Фалес и его последователи выдвинули предположение, что природа возникла из самоодушевленной материи, которая движется и изменяется, принимая разнообразные формы. Эта первомерия, будучи источником собственных упорядоченных движений и изменений и пребывая вечной, считалась не только материальной, но также живой и божественной.

Таким образом был сделан решающий шаг. Отныне греческая мысль стремилась найти естественное объяснение Космоса с помощью наблюдений и рассуждений — и вскоре эти объяснения стали утрачивать остатки прежних, мифологических элементов. Вставали важнейшие вопросы универсального характера, и в поисках ответа философы обращались в другую сторону — к критическому анализу, которому человеческий разум подвергал материальные явления. Природу следовало объяснять, исходя из понятий самой природы, а не чего-то такого, что лежит заведомо за ее пределами. Примитивная Вселенная, управляемая антропоморфными божествами, начала уступать место такому миру, источником и сущностью которого является природная первомерия — такая, как вода, воздух или огонь.

1) Фалес

Философия, как и многие другие из ныне существующих наук, впервые зародилась в Древней Греции, а основоположником ее сами греки считали мудреца Фалеса из Милета. Фалес родился около 640 г. до Р.Х. и происходил из знатного рода, имевшего финикийские корни. В

молодости он был неравнодушен к политике, но затем отошел от государственных дел и всецело обратился к изучению природы. Для того чтобы лучше постигнуть восточную премудрость он ездил в Египет и долгое время жил среди тамошних жрецов. Здесь Фалес увлекся геометрией и придумал, как измерить высоту пирамид по их тени (он дождался часа, когда его собственная тень оказалась равной его росту; тень пирамиды, таким образом, также оказалась равной ее высоте).

Помимо геометрии Фалес приобрел большие познания в астрономии. Говорят, он сумел заранее предсказать солнечное затмение 585 г. до Р.Х. Он также первым из греков определил, что продолжительность года составляет 365 дней.

Современники безмерно удивлялись познаниями Фалеса, но вместе с тем тихонько посмеивались над ним. Вид мудреца, отрешившегося от земной суеты и всецело посвятившего себя разгадке тайн мироздания, был для них в диковинку. Однажды Фалес отправился наблюдать звезды и так увлекся этим занятием, что свалился в яму. Он стал звать на помощь, и какая-то старуха насмешливо сказала ему: «Что же ты, Фалес? Не видишь того, что под ногами, а надеешься познать то, что в небе?» Обывателям ее острота показалась очень меткой, и они с удовольствием повторяли ее. Фалес решил проучить насмешников. Установив по своим наблюдениям, что ожидается большой урожай оливок, он заранее взял в наем все маслодавили. Его расчеты подтвердились. Земледельцам пришлось платить Фалесу за все произведенное масло, и он за один сезон нажил большие деньги. На этот раз все милетяне восхищались его проницательностью. «Вот видите! — сказал им Фалес, — добывать богатство совсем нетрудное занятие. Но деньги меня не интересуют». И он вновь обратился к своим научным изысканиям.

Вопрос, над которым особенно много размышлял Фалес, можно сформулировать примерно так: что есть то, из чего состоит все? Он был уверен, что существует некое первоначало, из которого произошли все бесконечные явления и предметы окружающего нас мира: и земля, и воздух, и люди, и трава, и ветер. После долгих раздумий он пришел к выводу, что таким первоначалом может быть только вода и что было время, когда ничего кроме воды не существовало.

Догадка Фалеса поразила греков. Испокон веков люди привыкли видеть перед собой огромный многообразный мир природы, они смотрели на солнце, горы, землю, море, реки, деревья, как на самостоятельные явления. Мысль, что мир един по своему составу и происхождению была чрезвычайно смелой для своего времени. И пусть, учение о том, что все состоит из воды кажется теперь наивным, это ничуть не умаляет значение Фалеса в истории мировой философии. Ведь в конце концов важно не то, как он ответил на вопрос «из чего все?», а то, что он этот вопрос вообще поставил. Однако, процесс познания бесконечен. Достигнув чего-то, мы сталкиваемся с новыми трудностями. Следующая тайна, над которой пришлось задуматься философу, заключалась в проблеме: «каким образом все происходит из единого?» Ведь, наверняка, Фалес пытался понять, как вода уходит от своей изначальной простоты, образуя пестрый разнообразный мир. Но, увы, мы не знаем, что он говорил на этот счет. Возможно, Фалес так и не смог найти решения загадки.

Жизнь со всеми ее насущными проблемами также не была безразлична великому милетянину. Он был настоящий мудрец, и многие из его изречений служат тому подтверждением. «Древнее всего сущего, – учил Фалес, – Бог, ибо он не рожден. А прекраснее всего – мир, ибо он творение Бога. Больше всего – пространство, объемлющее собой все. А быстрее всего – ум, так он мгновенно обегает все сущее. Сильнее всего – неизбежность: она властвует над всем. А мудрее всего – время, ведь именно оно все и раскрывает». Однажды Фалеса спросили: «Что на свете труднее всего?» Он ответил: «Познать себя». – «А что легко?» – «Советовать другому!» Тогда ему задали новый вопрос: «Какая жизнь самая лучшая и справедливая?» – «Такая, – отвечал Фалес, – когда мы не делаем того, что осуждаем в других».

2) Анаксимандр

Кусок рельефа с портретом Анаксимандра. Рим. Национальный музей.

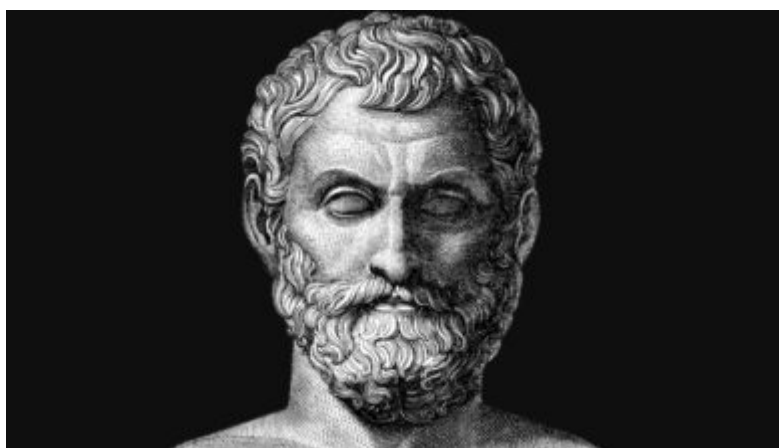
Другом и младшим современником Фалеса был милетянин Анаксимандр, который родился в 610 г. до Р.Х. и умер после 546 г. до Р.Х. Разделяя философские увлечения Фалеса, Анаксимандр ни в коей мере не был согласен с тем, что вода является первопричиной всего и что мир состоит из воды. Самый подход Фалеса к решению вопроса «из чего состоит все?» он полагал неверным. Разве можно считать первоначалом какой либо из элементов окружающего нас мира, будь то вода, воздух, огонь или земля? Первоначало тем и замечательно, что оно несет в себе изначальные свойства всего, в то время как ничто конкретное не сводится непосредственно к первоначалу.

Сам Анаксимандр утверждал, что в основе мироздания лежит особая невидимая, вечная и неуничтожимая среда, которую он назвал апейрон – «беспредельное». Все сущее в своей основе состоит из апейрона. Причем «беспредельное» не только есть тот «материал» из которого строится вселенная, но он же является «мастером», который эту вселенную создает. Апейрон сам произвел из себя все, он – единственная причина рождения и гибели. И в то время, как мир окружающих нас вещей бесконечно меняется, божественный апейрон, взятый в своей сути, остается извечно неизменным.

Надо признать, что суждения Анаксимандра о первоначале всего представляются более глубокими, чем суждения Фалеса. А в стремлении постигнуть мир он пошел значительно дальше своего предшественника. Ведь Фалес, насколько мы знаем, не старался объяснить, каким образом его первичная вода развилась в тот пестрый, разнообразный мир, который мы видим вокруг себя. Зато Анаксимандр много и напряженно размышлял об этом. Он считал, что причиной всего служит извечное движение, которому подвержен апейрон. Именно вследствие движения, «беспредельное» меняется и в нем появляются противоположности. Этими противоположностями служат «горячее», «сухое», «влажное» и «холодное». «Горячее», считал Анаксимандр, в силу своей легкости и подвижности, устремилось наружу, превратившись в огонь и воздух, а «холодное», оставшись в центре, разделилось на землю и воду. Так возникла наша Земля, покрытая морями и окутанная воздухом. Она представляет из себя цилиндр, который свободно висит в центре вселенной. За сферой воздуха, полагал Анаксимандр, располагается сфера космического огня. Однако мы ее не видим, а видим лишь ее осколки - Солнце, Луну и звезды, которые движутся по кругу вокруг Земли. Первоначально земля была лишена жизни. Живые организмы постепенно возникли на ней из влаги. И вообще, жизнь зародилась в море, а люди произошли от рыб.

Хотя многое в рассуждениях Анаксимандра было еще очень наивно, некоторые умозаключения оказались поразительно глубокими и намного опередили свое время. Об Анаксимандре сообщают также, что он первым придумал солнечные часы, первый нарисовал на медной доске очертания земли и моря (то есть, по сути дела, создал первую карту и был в каком-то смысле основоположником географии). Он же попытался нанести на сферу все видимые звезды и соорудил первый небесный глобус.

3) Анаксимен

У Анаксимандра был ученик по имени Анаксимен, который родился в 585 г. до Р.Х. и умер между 528 и 525 г. до Р.Х. Он также стал знаменитым философом. Правда, в своих суждениях Анаксимен был ближе к Фалесу, чем к своему наставнику. Ведь он не верил в апейрон, а считал, что извечным первоначалом являлся воздух. Однако то был не совсем обычный воздух: Анаксимен говорил, что его первоначало божественно по своей природе и что человеческая душа является его частицей. Видим, следовательно, что воздух Анаксимена был не столько «газом», сколько особой субстанцией, которую позднейшие философы и богословы определяли словом «дух». Но как из этого первоначала произошло все остальное? На этот счет Анаксимен имел очень простую и не лишенную изящества теорию. Воздух, объяснял он, не остается неизменным — он способен к сгущению и разряжению. При разряжении он переходит в огонь, а при сгущении становится водой и землей. Таким образом, возникают все основные элементы мироздания, из которых складывается окружающий мир.

Первые лирики

В конце VII века эпос уступает место ранней греческой лирике, которая впервые утверждает субъективные взгляды поэта на современную жизнь и отдаляет от мира богов. Этот процесс явился результатом серьезных изменений в политической и общественной жизни греческого народа. Почти во всех областях происходило в это время глубокое социальное движение, во многих местах назревали и совершались экономические и политические перевороты. Старая монархия, сохранявшая еще черты первобытной военной демократии, уступила место господству

аристократии и олигархии. На место общинной и родовой собственности приходит частная, индивидуальная. Все это открывало простор для частной инициативы и для выдвижения из коллектива индивидуальной личности. В поэзии стал преобладать субъективизм, вместо мира фантазий – живая действительность, вместо далекого прошлого – современная жизнь. Особое место в литературе описываемой эпохи занимает лесбосская (эолийская) лирика. Она выросла из непосредственной простоты чувства и сельской наивности мировоззрения, но в результате поэты этой школы сумели отразить колоссальное напряжение личных чувств, включая даже обрисовку физиологических состояний. Таким образом был сделан огромный шаг в постижении душевной, эмоциональной природы человека.

1) Сапфо

Жители Лесбоса, родного острова Сапфо, издревле славились своим темпераментом и музыкальностью. В конце VII – начале VI вв. до Р.Х. на острове жили и творили несколько известных поэтов, стихами которых восхищалась вся Греция. И все же самой знаменитой из них была Сапфо. Спустя полтысячелетия после ее кончины известный историк и географ Страбон высказал свое восхищение ею в следующих словах: «Сапфо была удивительной женщиной, ибо на нашей памяти я не знаю ни одной женщины, которая даже в самой малой степени могла бы соперничать с ней в отношении поэзии». Увы, большинство стихов великой поэтессы безвозвратно утеряно, до нас дошла лишь ничтожная их часть, да и

те представляют из себя не целые произведения, а разрозненные поэтические строки. И тем не менее, все любители поэзии согласны с мнением Страбона.

О жизни Сапфо тоже известно немного. Она родилась около 612 г. до Р.Х. в небольшом лесбосском городке Эресе. Когда она была еще маленькой девочкой, ее семья перебралась в Митилену. От природы Сапфо не отличалась красотой: она была невысока ростом и очень хрупка. Ее волосы, глаза и кожа были более смуглыми, чем хотелось бы грекам; однако девушке было присуще обаяние элегантности, утонченности и блестящего ума. Из стихов видно, что Сапфо была очень страстной натурой. Ее слова, по замечанию другого известного древнегреческого писателя Плутарха, «были смешаны с пламенем». Хотя многим Сапфо казалась безобидной девочкой, и была очень далека от политики, ей тоже пришлось пережить гонения. Около 590 г. до Р.Х. пришедший к власти в Митилене тиран Питтак изгнал поэтессу из страны. Несколько лет Сапфо провела в далекой Сицилии. В это время она вышла замуж за богатого купца с острова Андрос. Когда тот умер, Сапфо унаследовала его состояние. После пяти лет жизни на чужбине она вернулась на родной остров и стала настоящей властительницей дум лесбосского общества. На доставшиеся ей по наследству деньги она открыла школу для девушек, готовящихся к замужеству, где учила их поэзии, музыке и танцам. Существование подобной школы было бы невозможным во многих других полисах. Но на Лесбосе женщины пользовались значительной свободой и вели обособленное существование, далекое от дел и забот мужского мира. Из стихов Алкея мы знаем, что лесбосские женщины даже устраивали состязания в красоте!

Главным мотивом поэзии Сапфо была любовь. Она разлита широкой волной во фрагментах ее произведений; в них изображены то бурные порывы страсти, то нежное томление, то пылкая ревность. Большею частью Сапфо изображала неудовлетворенную, отвергнутую или не встретившую ответа любовь.

Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко
Перед тобой сидит, твой звучащий нежно
Слушает голос
И прелестный смех. У меня при этом
Перестало бы сразу сердце биться:
Лишь тебя увижу, - уж не в силах
Вымолвить слова,
Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,

Ничего не видя глаза, в ушах же –
Звон непрерывный.
Потом жарким я обливаюсь, дрожью
Члены все охвачены, зеленее
Становлюсь травы, и вот-вот как будто
С жизнью прощусь я.
Но терпи, терпи: чересчур далеко
Все зашло...

(Причиной к написанию этого стихотворения послужил, по-видимому, выход замуж одной из подруг Сапфо).

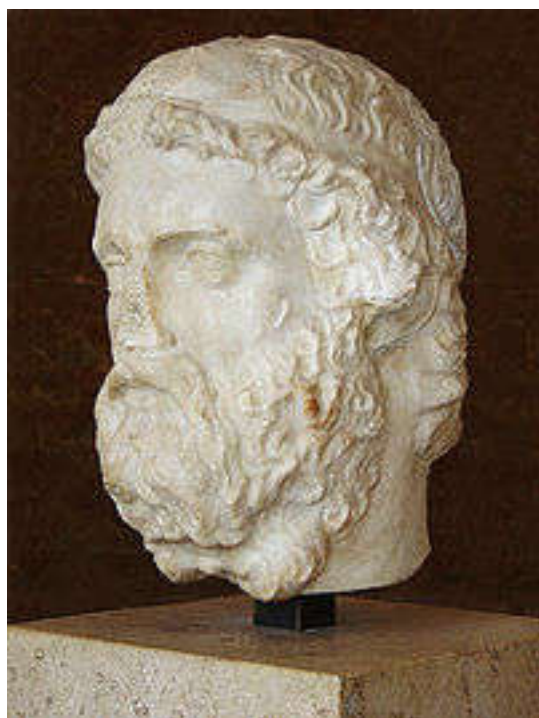
Чувства Сапфо, насколько можно судить по дошедшим до нас фрагментам, были сильны, порывисты, жгучи, но не глубоки. Любовь то угасала в ней, то опять проникала в ее сердце, как она сама говорит:

«Снова Эрос волнует, кружит меня,
В нем горе и радость, с ним сладу нет.
Снова Эрос, напав, всколыхнул мне грудь,
Словно вихрь, горный вихрь, что деревья гнет...»

Излюбленной поэтической формой Сапфо была любовная песня, исполнявшаяся под звуки лиры. В этом жанре она на протяжении многих столетий не знала себе равных. Ее безошибочно точный язык, ее яркие, емкие образы были исполнены трепетной чувствительности и тонкого понимания природы. Многие из творивших в ее время поэтов, пользовавшиеся некогда большой известностью (к примеру, тот же Алкей), интересны теперь разве что историкам. С Сапфо дело обстоит иначе. Сборник ее стихов переведен на все языки и регулярно переиздается. Современному читателю не надо особых усилий, чтобы войти в поэтический мир Сапфо.

Греческие мужчины не меньше женщин восхищались стихами лесбосской поэтессы, но они не могли простить ей ее свободы и сочинили историю, согласно которой Сапфо умерла от несчастной любви: она будто бы покончила с собой, бросившись в море с Левкадской скалы, так как прекрасный моряк Фаон отказался ответить взаимностью на ее чувства. Однако, скорее всего, этот рассказ не более, чем легенда. Судя по тому, что некоторые их стихов Сапфо обращены к ее взрослой дочери, она дожила до достаточно преклонного возраста.

2) Анакреонт

Анакреонт был несколькими десятилетиями моложе Сапфо. Он родился около 572 г. до Р.Х. в малоазийском городе Теосе, но еще в молодости покинул свою родину, попавшую под власть персов. Поэтическое дарование открыло ему доступ ко дворам тиранов, которые собирали вокруг себя художников и поэтов. Анакреонт долго жил на Самосе при дворе тирана Поликрата. После его гибели он переехал в Афины к Гиппарху, а когда в Афинах пала тирания, нашел убежище у фессалийских царей.

Главной темой стихов Анакреонта служили любовь и вино, однако, и их он толкует не серьезно, а в плане остроумной, насмешливой игры. Как видно из фрагментов его стихотворений, Анакреонт часто влюблялся и часто терял возлюбленных, но размолвки не оставляли в его сердце ни глубокой печали, ни тоски. Он легко увлекался и легко забывал утраты, находя утешение в новых увлечениях. В тех же стихах, где поэт жалуется на свои неудачи в любви, тон его жалоб игрив и спокоен, в них не заметно, чтобы он действительно переживал тяжелое горе. Его вообще отличали простота в восприятии мира, ясное, бесхитростное отношение к жизни и любви. Даже доживший до преклонных лет, поэт любил изображать себя седовласым, но жизнерадостным стариком, охотником до вина и любовных приключений. Сам Анакреонт дал такую характеристику своей поэзии:

«За слова свои, за песни
Вам я буду вечно близок;
Я умею петь приятно
Говорить умею сладко...»

Стихотворения Анакреонта невелики по размерам. Они не изображают сложных переживаний, а дают фиксацию отдельного момента в простых, но оригинальных и рельефных образах, часто с неожиданной концовкой. Живость, ясность, простота - основные качества его поэзии. Даже гимны богам он умел превратить в красивые и изящные стихотворения.

Бросил шар свой пурпуровый
Златовласый Эрот в меня
И зовет позабавиться
С девой пестрообутой.
Но, смеясь презрительно
Над седой головой моей,
Лесбиянка прекрасная
На другого глазееет.

Ввысь на Олимп
Я возношусь
На быстролетных крыльях.
Нужен Эрот:
Мне на любовь
Юность ответить не хочет.
Но увидав,
Что у меня
Вся борода поседела,
Сразу Эрот
Прочь отлетел
На золотистых крыльях.

Умер Анакреонт в глубокой старости – около 487 г. до Р.Х. – в Абдерах, а по другим известиям – в родном Теосе. Известность Анакреонта в древности и увлечение его поэзией были огромны. Да и в позднейшее время едва ли какой другой лирический поэт Древней Греции мог сравниться с Анакреонтом по своему влиянию на европейскую поэзию.

Эзоп

Что такое басня? Античные риторы были единодушны в ответе на этот вопрос. «Басня, - писали они, - есть вымышленный рассказ, являющий образ истины». Греческое предание гласит: первым собирать и обрабатывать басни начал Эзоп. Геродот сообщает, что он жил при египетском фараоне Амасисе (то есть в первой трети VI в. до Р.Х.) и являлся рабом самосца Иадмона. В конце жизни Эзоп оказался в Дельфах и там по какой-то причине был казнен. Этим исчерпываются достоверные сведения о великом баснописце, все остальное – предания и легенды. Рассказывали, что Эзоп был до крайности безобразен (толстый, большеголовый, темнокожий и к тому же увечный), но чрезвычайно умен, от чего происходили постоянные столкновения с его недалеким хозяином Ксанфом (на эту тему уже в классическую эпоху сложилась целая вереница анекдотов, на основании которых позже было составлено любопытное «Жизнеописание Эзопа»).

Басня оставалась живым явлением эллинской культуры вплоть до V в. до Р.Х. В то время к басенным сюжетам охотно обращались политические ораторы, драматурги, поэты и историки. Их сюжеты были у всех на памяти, и достаточно было легкого намека, чтобы вызвать у слушателей нужную ассоциацию. Затем положение изменилось. К басням перестают апеллировать взрослые, они превращаются в «литературу для детей». Их начинают изучать в школе. Тогда же, около 300 г. до Р.Х. появляются первые сборники «эзоповых басен», которые пользовались широкой популярностью, постоянно переписывались и превратились в настоящие «народные книги».

БОРЕЙ И СОЛНЦЕ

Борей и Солнце спорили, кто сильнее; и решили они, что тот из них победит в споре, кто заставит раздеться человека в дороге. Начал Борей и сильно подул, а человек запахнул на себе одежду. Стал Борей еще сильнее дуть, а человек, замерзая, все плотнее кутался в одежду. Наконец, устал Борей и уступил человека Солнцу. И Солнце сперва стало слегка пригревать, а человек понемногу принялся снимать с себя все лишнее. Тогда Солнце припекло посильнее: и кончилось тем, что человек не в силах был вынести жары и побежал купаться в ближайшую речку.

Басня показывает, что часто убеждение бывает действеннее, чем сила.

КРЕСТЬЯНИН И ЕГО СЫНОВЬЯ

Сыновья у крестьянина вечно ссорились. Много раз уговаривал он их жить по-хорошему, но никакие слова на них не действовали; и тогда он решил убедить их на примере. Он велел им принести пучок прутьев; и когда они это сделали, дал им эти прутья все разом и предложил переломить. Как они ни силились, ничего не получалось. Тогда отец развязал пучок и стал давать прутья по одному; и они без труда их ломали. Тогда сказал крестьянин: «Так и вы, дети мои: если будете жить дружно меж собою, то никакие недруги вас не одолеют; если же начнете ссориться, то осилить вас будет всякому легко».

Басня показывает, что насколько непобедимо согласие, настолько бессилён раздор.

ВОРОН И ЛИСИЦА

Ворон унес кусок мяса и уселся на дереве. Лисица увидела, и захотелось ей заполучить это мясо. Стала она перед вороном и принялась его расхваливать: ужи велик он, и красив, и мог бы получше других стать царем над птицами, да и стал бы, конечно, будь у него еще и голос. Ворону и захотелось показать ей, что есть у него голос; выпустил он мясо и закаркал громким голосом. А лисица подбежала, ухватила мясо и говорит: «Эх, ворон, кабы у тебя еще и ум был в голове, - ничего бы тебе больше не требовалось, чтоб царствовать».

Басня уместна против человека неразумного.

ВОЛК И ЯГНЕНОК

Волк увидел ягненка, который пил воду из речки, и захотелось ему под благовидным предлогом ягненка сожрать. Встал он выше по течению и начал попрекать ягненка, что тот мутит ему воду и не дает пить. Ответил ягненок, что воды он едва губами касается, да и не может мутить ему воду, потому что стоит ниже по течению. Видя, что не удалось обвинение, сказал волк: «Но в прошлом году ты бранными словами поносил моего отца!» Ответил ягненок, что его тогда еще и на свете не было. Сказал на это волк: «Хоть ты и ловок оправдываться, а все-таки я тебя съем!»

Басня показывает: кто заранее решился на злое дело, того и самые честные оправдания не остановят.

Тот, кто составлял эти сборники, не заботился о литературном мастерстве: он думал только о простоте, ясности и общедоступности. Стиль эзоповых басен сух, как либретто. Читателя интересовали в них не красоты стиля, а уроки житейской мудрости. Но эта же сосредоточенность на содержании и равнодушие к форме определили и дальнейшую судьбу басни в литературе. Смены литературных мод, погрузившие в невозвратное забвение столько ценнейших художественных произведений, не коснулись басни: она без ропота и ущерба передавала свои стойкие идеи любой словесной моде, пересказывала их заново и заново, переводила с языка на язык, в зависимости от требований времени и публики придавала им вид то проповеди, то занятой сказки, - и это дало ей возможность пережить крушение античной культуры, пережить средние века и дойти до современного читателя.

Царства мудрости

Проект Царства Мудрости - «Наследие мудрецов» включает

Сайт Эзоп-2010 - [вход](#)

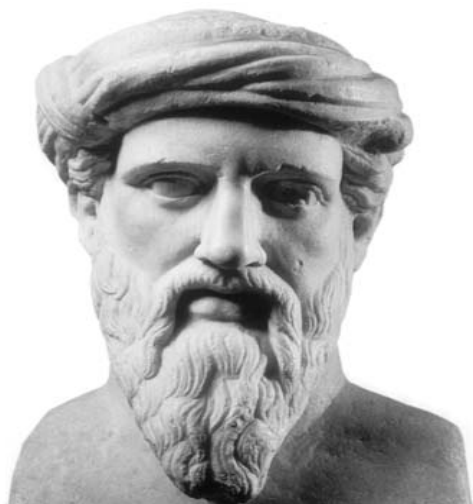
Пир в честь мудреца – [Учителям Времён](#)

Изданы книги:

Басни Эзопа и Эхо – [эл. книга](#)

История Эзопа – [эл. книга](#)

Пифагор

Пифагора считают первым религиозным мыслителем и наставником Эллады, создавшем законченное вероучение. По происхождению он был иониец, и родился около 580 г. до Р.Х. на острове Самос. С раннего детства Пифагор, как свидетельствует его биограф Порфирий, показал большие способности ко всем наукам. В юности он обучался в Тире у халдеев и овладел всей их мудростью. Потом он учился у нескольких ионийских мудрецов, в том числе у известного натурфилософа Анаксимандра из Милета, а для того чтобы изучить математику и высшую богословскую мудрость специально ездил в Египет. Пишут, что самосский тиран Поликрат, который был большим другом египетского фараона Амасиса, дал Пифагору рекомендательное письмо к гелиопольским жрецам. Кроме Гелиополя Пифагор побывал в Мемфисе, а потом поселился в Диосполе. Тамошние жрецы, несмотря на наказ Амасиса, очень неохотно открывали чужаку свое тайное учение. Чтобы отпугнуть Пифагора от его замыслов, они при посвящении подвергли его безмерным тяготам, назначая ему задания трудные и противные эллинским обычаям. Однако он исполнял их с такой готовностью, что они в недоумении допустили его и к жертвоприношениям и к богослужению, куда до этого не допускался никто из чужеземцев. Диоген сообщает, что Пифагор хорошо знал египетский язык и мог читать египетские тексты, причем не только обычные, но и такие, смысл которых понятен лишь посвященным. Возможно, в Египте Пифагор почерпнул одно из главных положений своего будущего вероучения: каждый должен стремиться к тому, чтобы внутренне и внешне сделаться достойным человеком и осуществить себя как нравственное произведение искусства. Ведь египетские жрецы в то время, в отличие от греческих, не только составляли нечто вроде сословия и получали соответственное образование, но также вели особый, нравственный образ жизни, придерживаясь особых правил

поведения. Поэтому вполне вероятно, что именно в Египте у Пифагора зародилась мысль о его будущем союзе, представляющем собой прочное сожительство людей, соединившихся вместе для целей умственной и нравственной культуры.

Возвратившись в Ионию, Пифагор устроил у себя на родине училище, но когда ему исполнилось сорок лет, он, тяготясь тиранией Поликрата, навсегда переселился в южную Италию, в город Кротон. Здесь он с самого начала стал пользоваться глубоким уважением граждан как человек много странствовавший, многоопытный и дивно одаренный судьбой. Вместе с тем он обладал величавой, благородной внешностью; красота и обаяние были у него и в голосе, и в обхождении и во всем его поведении. Сперва он взволновал своими речами городских старейшин; потом, по просьбе властей, обратил свои увещания к молодым; и наконец стал говорить с мальчиками, сбежавшими из училища, и даже с женщинами, которые тоже собрались на него посмотреть. Все это умножило его громкую славу и привело к нему многочисленных учеников, как мужчин, так и женщин. По словам Никомаха, первыми слушателями его были около двух тысяч человек. Пифагор так пленил их своими рассуждениями, что ни один из них не вернулся домой, а все они вместе с детьми и женами устроили огромное училище, поселились при нем, а указанные Пифагором законы и предписания соблюдали ненарушимо, как божественные заповеди. Из этого училища вырос в дальнейшем знаменитый пифагорейский союз. По духу и своей организации он более всего походил на религиозный орден. Его члены имели не только свою иерархию, обрядность и эзотерическую доктрину, но были также связаны строгой дисциплиной и послушанием. Целью этого сообщества, обнимавшего всего человека и всю его жизнь, как уже говорилось, было нравственное совершенствование его членов, которые в результате должны были стать такими же завершенными произведениями искусства, такими же достойными, пластическими натурами, каким был сам Пифагор.

Вся жизнь в союзе регулировалась раз и навсегда установленными правилами. Все его члены носили одинаковые белые льняные одежды и имели определенный распорядок дня, в котором для каждого часа была своя работа: утром, тотчас же после пробуждения ото сна, им вменялось в обязанность вызывать в памяти историю вчерашнего дня, так как то, что они должны делать сегодня, было тесно связано с тем, что они делали вчера. (Им вменялось также в обязанность в качестве вечернего занятия частное размышление о самих себе, чтобы подвергнуть

критическому испытанию сделанное в течение дня). Сойдясь на восходе солнца, пифагорейцы пели торжественный гимн Аполлону, исполняя в то же время священный дорийский танец, одновременно мужественный и торжественный. После омовений совершалась в полном молчании прогулка по храму. Затем в тени деревьев или под портиком начинались занятия. В полдень произносилась молитва героям и доброжелательным гениям. Послеобеденное время посвящалось гимнастическим упражнениям, затем урокам, медитациям и внутренней подготовке к следующему уроку. На закате солнца происходила общая молитва космогоническим богам и воскурялась на алтаре бескровная жертва. Все трапезы пифагорейцев были совместными. Хлеб и мед являлись главной их пищей, а вода – единственным напитком.

Обучение дополнялось правильной гигиеной и строгой дисциплиной нравов, так как побеждать свои страсти было первым долгом посвященного. Пифагор учил, что суть вещей ускользает от обычного человека, который воспринимает лишь проходящие явления этого мира. Постигнуть вечное и бесконечное возможно лишь тогда, когда между человеком и остальным миром устанавливается гармония, единение, общее начало. Тот, кто не привел свою собственную природу в гармонию, тот не может отражать гармонию божественную. (Это, впрочем, не означало, что Пифагор проповедовал аскетизм. Напротив, брак, к примеру, рассматривался пифагорейцами как нечто священное, но любовь, которая сводилась к одной чувственности, они однозначно осуждали. Сладострастие, по словам Пифагора, можно сравнить с пением сирен, которые, как только приблизишься к ним, исчезают, а на месте, откуда раздавалось пение, оказываются поломанные кости и куски тела).

По прошествии нескольких лет, когда школа обрела громкую славу, туда стали принимать не всех желающих и не сразу. Прежде чем получить в нее доступ, ищущий проходил трехлетний испытательный срок. При этом исследовались его образованность и способность к послушанию; собирались также справки о его поведении, о его склонностях и делах. Затем, будучи допущенным в число учеников, он первые пять лет проводил в молчании, только внимая речам Пифагора, но не видя его. Обучение строилось на том, чтобы медленно и постепенно, начиная от более мелкого, переводить ученика к созерцанию вечного и сродного ему бестелесного. Вот почему, прежде чем открывать ученику высшую мудрость, Пифагор преподавал ему математику, так как математические предметы лежат на грани телесного и бестелесного. С помощью такого приема он подводил людей к созерцанию истинно сущего. Наряду с математикой много внимания

уделялось музыке. (Пифагор утверждал, что музыка обладает способностью поднимать душу по ступеням восхождения и открывать высший порядок, скрытый от взоров невежд. Мелодии священных ладов, внесенные в душу ученика, должны были настраивать ее и делать настолько гармоничной, чтобы она могла ответно вибрировать на каждое дуновение истины). В качестве регулярных занятий были введены также гимнастические упражнения. Особое значение придавалось углубленным размышлениям – медитации.

Лишь усвоив необходимые предварительные знания, ученик допускался к непосредственному общению с Пифагором. Тогда он получал возможность видеть учителя, разговаривать с ним и мог приобщиться к его тайному эзотерическому учению. О самом этом учении мы имеем теперь лишь приблизительное представление. Доподлинно известно только одно - сущность всех вещей и основу организации Вселенной Пифагор искал в числах и их гармонических отношениях. Он учил, что в природе есть две силы. Лучшую он называл Единицею, светом, правостью, равенством, прочностью и стойкостью; а худшую – Двоицей, мраком, левизной, неравенством, зыбкостью и переменностью. В самом общем смысле под Единицей он понимал божественную, деятельную, мужскую природу, заключающую в себе всю полноту гармонии, а под Двоицей – пассивную, женскую, материальную (ее отождествляли также с Деметрой-Землей). Божественная Единица осуществляет себя лишь посредством Двоицы и, проходя через нее, достигает своей реальности, воплощаясь в Троице, то есть в физическом мире. Проявленный мир – тройственен, и потому Тройка – есть первое совершенное число, образующий закон вещей и истинный ключ жизни. Вся видимая Вселенная определяется Тройкой, ибо Тройка содержит в себе все. Примеров проявления этой троичности огромное количество: человек состоит из тела, души и духа; каждый материальный объект существует в трех измерениях - то есть имеет длину, высоту и ширину; Вселенная делится на три концентрические сферы – мир божественный, мир естественный и мир человеческий; тела могут находиться в трех состояниях – твердом, газообразном и жидком; семья включает в себя трех индивидуумов – мужчину, женщину и дитя; предметы могут отталкиваться, притягиваться или находиться в равновесии и т.д. и т.п. Во всех этих проявлениях троичности можно всегда выделить: а) член активный, б) член пассивный; в) член средний, вытекающий из действия двух первых друг на друга. Но все они восходят к Высшей триаде: Божественной Единице, принимающей ее в себя Двоице и родившейся в результате этого Троице. Далее Пифагор вводил понятие священной Тетрады, которое заключало в себе глубокую идею

синтеза и развития. По его учению Вселенная, возникшая под воздействием божественной Единицы, вновь возвращалась и заключалась в ней, образуя живой божественно-материальный Космос. В высшем смысле Тетрада олицетворяла собой единство Бога и Вселенной: Вселенную, существующую по божественным законам, или Божество, проявляющееся словно в теле в материальной Вселенной (То есть Тетрада есть высшее единство – та же Единица, но на более высоком качественном, проявленном уровне). В частной, обыденной жизни Пифагор тоже видел бесчисленные проявления Тетрады. Например, тело, душа и дух дают в своем слиянии четвертый член – человека; семья есть единство отца, матери и ребенка и т.д.

Эта изощренная, отвлеченная, тяготеющая к монотеизму теогония не вступала у Пифагора в противоречие с общепринятой. Рассуждая о божественной Единице, он вместе с тем требовал уважения к богам традиционной греческой религии. Однако они не были для него высшими существами, а только олицетворяли ту или иную сторону мироздания. Своим ученикам он говорил, что боги, различные с виду и по именам, в сущности, одни и те же у всех народов, потому что они соответствуют тем разумным силам, которые действуют во всей Вселенной. Более того, он говорил о целой иерархии превышающих человека существ, называемых героями и полубогами, которые служат посредниками между человеком и Божеством, и учил, что как раз через них, проявляя героические качества, человек может достигнуть приближения к Богу. Что касается этого Верховного Божества то Пифагор представлял его как некое огненное Единство, пребывающее в самом средоточии космоса. Впивая потоки пустоты, окружающей Центр, это пламенное Целое образует множественность миров, состояний и качеств. (По словам Аристотеля, он учил, что в центре Вселенной находится огонь, вокруг которого вращаются в определенном порядке десять сфер: Сфера неподвижных звезд, сферы Земли, Сатурна, Юпитера, Марса, Венеры, Меркурия, Солнца, Луны и еще одного невидимого тела – Противоземли. При движении каждая из сфер издает особый звук, соответствующий ее величине и скорости. Последняя определялась различными состояниями, находившимися в гармоническом отношении друг к другу, вследствие чего возникает гармонический мировой хор).

Большой заслугой Пифагора следует считать подробно разработанное им учение о душе, воспринятое потом и другими греческими философами. Душа, говорил он, есть отщепившаяся частичка божественного эфира; она разделяется на три части: ум, рассудок и страсть. Ум и страсть есть и в других животных, но

рассудок – только в человеке. Власть души распространяется от сердца и до мозга: та часть ее, которая в сердце, – это страсть, а которая в мозге – рассудок и ум; струи же от них – наши чувства. После смерти человека его душа скитается в воздухе, подобная телу. Попечителем над душами является Гермес, который чистые души возводит ввысь, а нечистые ввергает в Преисподнюю. Пробыв там определенное время, душа вновь ввергается в материальный мир и заключается в тело человека или животного. Таким образом, вслед за орфиками или одновременно с ними Пифагор проповедовал учение о переселении душ. О себе он говорил, что помнит все свои прежние рождения и многим из тех, кто приходил к нему, рассказывал о их прошлой жизни. (Вспоминал он и об Аиде, и между прочим рассказывал о том как казнятся там Гесиод и Гомер за то, что распространяли лживые рассказы о богах. Душа Гесиода, говорил он, стонет, прикованная к медному столбу, а душа Гомера подвешена на дереве среди змей).

Очень похожее учение проповедовалось при жизни Пифагора в Индии. Точно также как индийские брахманы, Пифагор считал бесконечную вереницу перевоплощений злом для души. Этическое учение, которое он исповедовал, имело главной своей целью вызволить и освободить душу из мира материального и привести ее к окончательному слиянию с божественным Разумом. Он считал, впрочем, что душа, став чистым духом, не теряет своей индивидуальности и, соединяясь со своим первообразом в Боге, припоминает все свои предшествующие существования, которые ей кажутся ступенями для достижения той вершины, откуда она охватывает и постигает Вселенную. В этом состоянии человек уже перестает быть человеком, а становится полубогом и навечно остается в духовном мире. Пифагор говорил, что главное на этом пути заключается в том, чтобы наставить душу к добру, ибо только это приближает людей к Богу. Поэтому он предписывал своим последователям особый уклад жизни, который требовал просветленности, гармоничности и меры в поступках, чувствах и мыслях. Пифагореец должен был воспитывать в себе целомудрие, сдержанность, миролюбие, уважение к древним учениям. Каждый ученик был обязан строго следить за собой, заглядывая в свою душу и проверяя совесть. Сам Пифагор, по словам Евдокса, очень заботился о своей чистоте: он, например, не только совершенно отказался от животной пищи, но даже сторонился поваров и охотников. За завтраком он ел сотовый мед, за обедом – просяной или ячменный хлеб, вареные или сырые овощи. Бобов он запрещал касаться, все равно как человеческого мяса. Причину этого, говорят, он объяснял так: когда нарушилось всеобщее начало и зарождение, то многое в земле вместе сливалось, сгущалось и перегнивало, а

потом из этого вновь происходило зарождение и разделение – зарождались животные, прорастали растения, и тут-то из одного и того же пережня возникли люди и проросли бобы. Кроме бобов он запрещал принимать в пищу и некоторые другие продукты – крапиву, рыбу-триглу и многое из того, что ловится в море. Одежда его была всегда белая и чистая.

Следует отметить, что нравственная проповедь Пифагора вовсе не подразумевала отрешенности от политических дел. Напротив, в своем стремлении воспитать гармоничного человека, пифагорейцы много внимания отдавали вопросам общественного устройства. Пишут, что поселившись в Италии, Пифагор вскоре увидел, что многие города здесь и в Сицилии находятся в рабстве друг у друга и направил свой огромный авторитет на то, чтобы вернуть им вольность. Через своих учеников, которые были в каждом городе, он внушил их жителям помышления о свободе. В конце концов, ему удалось изменить политическое устройство в Кротоне, Сибарисе, Регии, Гимере, Акраганте, Тавромении и некоторых других городах. Повсюду здесь было введено умеренное аристократическое правление, причем ведущую роль в управлении имели члены пифагорейского союза. Пифагор пользовался в Италии таким почтением, что целые государства вверяли себя его ученикам. Но в конце концов против них скопилась зависть и сложился заговор. Недовольные вскоре нашли себе предводителя в лице богатого кротонца Килона. Ненависть его к Пифагору возникла из-за того, что тот категорически отказался принять его в число своих учеников, с первого взгляда разгадав в нем злого и порочного человека. Разгневавшись, Килон стал строить разные козни против пифагорейцев и настраивать против них горожан. Однажды, когда ученики Пифагора собрались в доме атлета Милона, враги подожгли этот дом, так что все собравшиеся в нем (всего сорок человек) погибли. Другие пифагорейцы были перебиты порознь в городе. Был ли на этой встрече сам Пифагор или не был, об этом сохранились различные свидетельства. Большинство все-таки сходится на том, что он остался жив и переехал из Кротона в другой южно-италийский город Мегалополь. Тут он и умер около 500 г. до Р.Х., то ли уморив себя голодом, то ли от тоски. Вместе с ним погибло и его божественное учение, поскольку книг он не писал, а из посвященных в его мудрость в живых не осталось никого. Спасшиеся от расправы пифагорейцы сумели сохранить, по словам Порфирия, лишь немногие искры его философии, смутные и рассеянные. Тем не менее, стараясь спасти от забвения хоть это, они постарались записать то, что знали и таким образом ознакомили мир с общими положениями пифагорейства.

Несмотря на то, что это учение оказало большое влияние на античную философию и христианскую теологию, как религия оно никогда не имело широкого распространения, хотя отдельные пифагорейские кружки существовали вплоть до первых веков нашей эры. Наряду с абстрактными математическими богами, божественные почести в них воздавались также и самому Пифагору. Многие считали его богом еще при жизни. Сохранились рассказы о многих его чудесах. Пишут, например, что в один и тот же день его могли видеть беседующим с учениками в италийском Метапонте и в сицилийском Тавромении, хотя их отделяет друг от друга несколько дней пути по суше и по морю. Сообщают также, что Пифагор мог останавливать повальные болезни, отвращать ураганы и градобития, укрощать реки и морские волны, а также предсказывать землетрясения. Некоторые уверяли также, что учитель имел золотое бедро и по этому признаку безошибочно судили о том, что он был никто иной как сам Аполлон Гиперборейский.

Царства мудрости

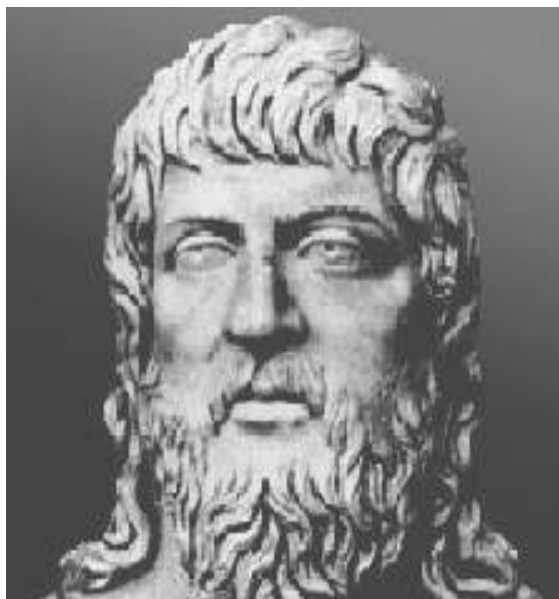
Проект Царства Мудрости - «Наследие мудрецов» включает

Море Пифагора – на сайте Семь Морей
Вселенная Пифагора – на форуме

А также электронные книги
Дары Пифагора

Учение Пифагора в ритмах

Гераклит

Гераклит - один из величайших философов Древней Греции родился около 550 г. до Р.Х. в Эфесе в очень знатной, но обедневшей семье. Его отец Блосон принадлежал к бывшему царскому роду Басилидов, потомки которого сохраняли за собой в то время одну только жреческую власть. Рассорившись с горожанами, которых он сурово бранил за дурное правление, Гераклит ушел в горы и жил здесь отшельником, кормясь быльем и

травами. Свои мысли он выражал в нарочито темных и загадочных выражениях, считая, что люди мудрые поймут его и так, а глупцам незачем браться за то, что выше их разума.

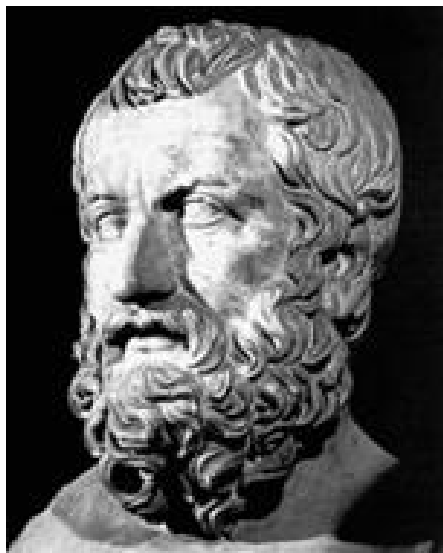
Суждения Гераклита поражали своей необычностью. Он словно поставил своей целью разрушить все обывательские, досужие представления людей об окружающем мире. Ведь люди привыкли разделять всякие противоположности. Что-то они называют живым, что-то мертвым, что-то добрым, а что-то злым. У Гераклита все иначе. Никто лучше него не умел подмечать противоположности, составляющие суть одной и той же вещи. Вот, например, морская вода в одно и то же время является и чистейшей и грязнейшей. Все дело в том, с какой точки зрения посмотреть: для рыб она питье и спасение, а для людей – гибель и отравка. Ни одно явление не существует обособленно, все смешано и перепутано между собой. Каждый человек, даже если он очень юн, имеет зачатки грядущей старости, а все живые существа – будущей неизбежной смерти. Однако это же правило действует в обратном направлении! Так на могиле вырастает трава, которая использует для своего роста элементы разложившегося трупа. Значит смерть и жизнь не отделены друг от друга непреодолимой пропастью: жизнь несет в себе начало смерти, а смерть – жизни! Гераклит имел все основания сказать: «Одно и то же в нас – живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое. Ведь это, изменившись, есть то, и обратно, то, изменившись, есть это». Всякое начало есть в то же время конец, и всякий конец является началом; поэтому нет ни начала, ни конца; мир – вечен!

Однако противоположности не просто сосуществуют вместе; они находятся в вечной непрекращающейся борьбе между собой. И эта борьба (распря) есть главный закон мироздания, причина всякого возникновения и изменения. А в том, что в окружающем нас мире нет ничего неизменного, Гераклит был уверен абсолютно точно. Все здесь становится; никакое состояние не пребывает неизменным, даже на кратчайшее мгновение - все перестает быть тем, чем было, и становится тем, что оно будет. «Все течет!» – говорил Гераклит и предупреждал, что «нельзя войти дважды в одну и ту же реку». Ведь вода натекающая на нас, уже совсем не та, что обтекала в прошлый. Ничего не повторяется, все проходяще и одноразово. Но Гераклит не только отметил, что все вокруг находится в борьбе и распре. Он поднялся до осознания того, что эта борьба есть величайшая гармония, которая присуща всему мирозданию. Большинство людей не видят этой гармонии. Одни из них жалуются, на болезни, другие – на старость, третьи – на войны. Одним не нравится знойное лето, другие не любят холодной зимы. Все это происходит от того, что большинство умеет воспринимать лишь отдельные частности. Только мудрец, который судит о всем мироздании в целом, способен оценить его красоту. Но во всей полноте эта гармония доступна лишь Богу. «Для Бога, - говорит Гераклит, - все вещи прекрасны и хороши и справедливы. Это люди нарекли одно несправедливым, другое – справедливым».

Из этого видно, что в понимание Гераклита целое, взятое во всей своей совокупности, отличается от составляющих его частей. Если те находятся в постоянном изменении и борьбе, то целое пребывает в вечной и неизменной гармонии. Но что же такое это целое? Однажды Гераклита спросили: «Что есть одно?» И Гераклит отвечал: «Огонь!» Как Фалес первоначально всего считал воду, а Анаксимен – воздух, также Гераклит полагал, что все произошло из огня и является огнем. Он говорил: «Этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим». Только глупец, считал Гераклит, может думать, что все происходящее в мире является чредой случайностей. Нет! Все изменения подчинены единой и всеобъемлющей силе или, если хотите, единому закону. Эту силу, этот закон Гераклит назвал Логосом (данное греческое понятие очень многосложно; его можно перевести как «слово» или как «речь», а также как «мысль» или «разум»). С Логосом связано все, что есть во вселенной общего и абсолютного. Он есть принцип и порядок меры, он есть закон мироздания, не зависящей ни от чьей воли. Гераклитовский всеобщий огонь оттого и является божественным и разумным, что он наделен Логосом.

Элеатская школа

1) Ксенофан

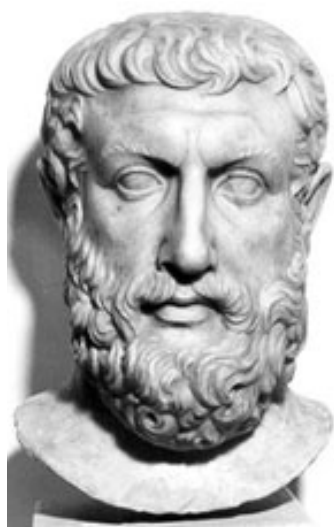

После переселения ионийцев в Элею, этот город сделался центром особой философской школы, именуемой элеатской. Основателем ее считают мудреца Ксенофана из Колофона, который покинул родной город, чтобы спастись от персидского господства. По профессии он был поэт и певец, его часто приглашали на пиры, где он развлекал гостей. Детали биографии Ксенофана нам неизвестны, но нет сомнений, что это был человек бесстрашный, энергичный и предприимчивый, проживший кроме того очень долгую жизнь (около ста лет). Сам Ксенофан писал о себе, что провел в странствиях по Греции 67 лет, всюду наживая опыт и врагов. Он долгое время жил в сицилийских городах Занкле и Катане. Но, последние его годы прошли, по-видимому, в Элее. Ксенофан был первым греческим философом, смело выступившим против народной религии. Мудрецы, считал он, должны опровергнуть нелепые суждения о божественном, сложившиеся под влиянием поэтов и прежде всего Гомера. В самом деле, «Илиада» и «Одиссея» содержат множество живых сцен, рисующих жизнь и отношения семейного клана олимпийских богов, но все они от первого до последнего слова - ложь и бессмыслица. Ведь под видом богов Гомер изобразил тех же людей со всеми их слабостями и недостатками. Его боги нуждаются в сне и отдыхе, любят веселые пиршества, жадны до приношений, завистливы, коварны, ревнивы и мелочны. Единственное, что их отличает от людей это их

бессмертие, но даже это качество не присуще их природе изначально, а поддерживается волшебным напитком - нектаром. Все это возмущало Ксенофана. Он говорил, что изображать богов вероломными и порочными значит не просто отступать от истины, но и кощунственным образом клеветать на самое святое. Нелепо, кроме того, представлять себе Бога в человеческом обличье, ведь он совсем таковым не являются. Понятно, что наделяя богов человеческими чертами, люди берут за образец то, что находится перед их глазами. В этом они нисколько не отличаются от бессмысленных тварей. «Если бы у быков, львов или лошадей были руки, - говорит Ксенофан, - они бы несомненно, сотворили себе богов, похожих на них самих, изваяв изображения быков, львов и лошадей».

Опровергая сказки поэтов, Ксенофан противопоставил им собственное учение о божественном. Прежде всего, он категорически возражал против многобожия. «Если Бог есть самый могущественный, то ему подобает быть единым, - писал он, - ведь если бы существовали два бога или еще больше, один бог не был бы могущественнее других. Однако, если бы он не был могущественнее их, он не был бы Богом». Следовательно, во вселенной существует один единственный Бог. И этот Бог совершенно не похож на человека. Нелепо, к примеру, считать, что у него два глаза и два уха, что одной своей частью он видит, а другой – нет. Думать так, значит переносить на божество свои собственные слабости. «Так как существует лишь один Бог, - продолжал Ксенофан, - то он повсюду одинаков, повсюду слышит, видит, а также обладает и другими чувствами. Если бы это было не так, то одна часть Бога была бы могущественнее другой, что невозможно». Но с чем же тогда можно сравнить Бога? Ксенофан считал, что поскольку Бог повсюду одинаков, то он имеет форму шара. Основными его качествами должны быть вечность, неизменность и беспредельность. Последнее свойство очень важно. Люди привыкли разделять божественное и мирское. Большинство считает, что Бог находится где-то далеко и пребывает в какой-то своей особой области. Однако думать так – значит ограничивать всемогущество божье. Выходит, что есть такие места, где Бога может не быть. Но раз Бог всесилен и неизменен, значит он присутствует везде. Мир и Бог неотделимы друг от друга. «Вселенная – едина, - писал Ксенофан, - и Бог присутствует во всех вещах: он не имеет ни начала, ни середины, ни конца». Пронизывая собой все сущее, Бог управляет всем космосом. Но делает он это, конечно, не с помощью рук, ног или голоса. Так могут думать лишь наивные, недалекие люди. Бог вершит свою волю без всякого физического усилия, исключительно лишь силой своего духа и разума.

2) Парменид

Парменид - самый знаменитый ученик философа Ксенофана - происходил из богатого, пользовавшегося уважением рода и родился в Элее. О его жизни мы, однако, почти ничего не знаем. Говорят, сограждане очень уважали его и считали, что своим благосостоянием Элея во многом обязана замечательным законам, составленным Парменидом.

Этот философ был младшим современником великого Гераклита. Но, если Гераклит учил, что «все течет», то Парменид, напротив, утверждал, что, в сущности, «все неизменно». На этом основании их учения считали во всем противоположными друг другу. Однако, можно заметить, что оба философа мыслили во много схоже, только подходили к проблеме с разных сторон. Гераклит прилагал свои суждения к миру обыденных частных явлений, а Парменид стремился постичь Вселенную как целое. Сравнивая между собой самые несравнимые вещи, например, море и оливу, человека и горный склон, он хотел обнаружить, что их объединяет. Таким образом он установил, что все без исключения вещи роднит то, что они существуют. Ведь для того, чтобы мы могли их видеть и ощущать вещи должны быть, или, выражаясь философским языком, они должны быть причастными бытию. А раз так, то бытие вещи, ее существование и есть самое важное из ее качеств.

Но что такое бытие, то есть не бытие вот этой конкретной книги или вот этого конкретного плаща, а бытие в самом общем смысле, бытие как таковое? Постигая эту великую тайну, Парменид пришел к парадоксальному на первый взгляд выводу, что бытие – это мышление. Ведь ничто превращается в нечто, лишь тогда, когда его мыслят или высказывают. Многие, по-видимому, не согласятся с этим суждением. Скажут, к примеру: «Вот я представляю себе стул,

я вижу его в своем воображении во всех деталях, но разве мое представление о стуле и реальный стул на котором я сижу это одно и то же?» Конечно нет. Разумеется, предмет мысли (стул, на котором мы сидим) и мысль (воображаемый стул) существуют самостоятельно, каждый сам по себе. Парменид с этим и не спорил. Он только хотел сказать, что мысль лишь тогда становится мыслью, когда она предметна, а предмет лишь тогда предмет, когда он мыслим. Другими словами, мы можем представить себе какой угодно стул, с высокой или низкой спинкой, с дорогой обивкой или, напротив, обшарпанный, но в любом случае мы будем представлять себе нечто, что реально существует. А вот попробуйте вообразить то, чего не существует, то, что вы никогда не видели, то, о чем вы никогда не слышали и вообще не знаете, каково оно есть. Едва ли у вас что-то получится. Так что связь между мышлением и бытием не так проста, как может показаться на первый взгляд.

«Хорошо! – согласится кто-то. – Допустим, Парменид был прав. Пусть мышление и бытие это одно и то же. Но разве не порождает это представление кучу других несуразностей? Ведь тогда получается, что все, что мыслимо - существует! И, напротив, все то, что не мыслимо – не существует. Разве такое возможно?» - «Возможно!» - отвечал Парменид. Прежде всего, следует иметь в виду, что речь идет не об обыденном человеческом мышлении, которое отягчено множеством заблуждений и несовершенно. Ведь от людей скрыта суть многих явлений, все их представления о мире основаны не на подлинных знаниях, а на мнениях, часто ошибочных. Совсем другое дело, идеальное мышление, мышление как таковое, которое присуще всезнающему Богу. Тут это правило выполняется с абсолютной точностью. Все, что Бог мыслит - однозначно существует. И напротив: если Бог чего-либо не мыслит, значит этого и нет.

Что же из этого следует? Самый интересный вывод, который делал на основании своих рассуждений Парменид, касался несуществования небытия. А не существует небытие именно потому, что оно немыслимо. Для человека оно немыслимо, потому что его невозможно ни познать, ни выразить словами. Но оно немыслимо также для всезнающего и всемогущего Бога. Ведь все, о чем только может подумать Бог, тотчас обретает свое бытие. (Можно доказать это и по-другому: сама мысль о небытии делает небытие бытием в качестве предмета мысли, что равносильно его несуществованию).

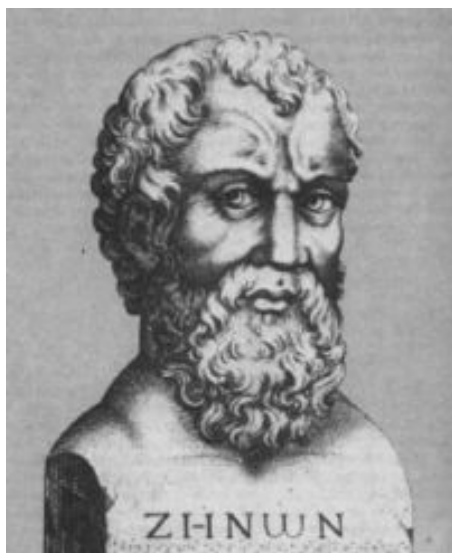
Исходя из всего вышесказанного, Парменид выводил свое знаменитое заключение о том, что бытие по сути своей едино, неделимо и неизменно. Допустим, кто-то предполагает, что каждая из существующих в природе вещей обладает своим собственным

бытием или утверждает, что единое бытие делится на много отдельных существований. Таких людей Парменид просил объяснить: что же разделяет эти отдельные существования и не дает им слиться? Таким разделителем не может быть бытие, потому что в таком случае все части оказались бы слиты в одно общее целое, а не существовали бы раздельно. Разделить бытие на части могло бы только небытие, но его нет! С другой стороны, всякое изменение предполагает, что нечто исчезает и что-то появляется, но на уровне бытия нечто может исчезнуть лишь в небытие и появиться лишь из небытия. А это невозможно, так как небытия нет! Поэтому бытие едино и неизменно, оно замкнуто, самодавлеющее и неуязвимо. Для него не существует ни прошлого, ни будущего. Оно не может иметь начала и не может иметь конца. Потому что из чего бы оно могло бы возникнуть? Из небытия оно не могло родиться, а если оно появилось из бытия, то значит не возникло, а уже существовало. А куда оно может исчезнуть, кроме как в небытие? Но его нет, и значит сущее вечно! «Истинно лишь то, что "есть", - писал Парменид, - оно не порождено, и не проходяще, цело, однородно, неподвижно и бесконечно. Оно не было, оно не будет, а все существует одновременно, все существует теперь, ибо какого рождения хочешь ты искать для него? Как и откуда оно умножится?» И далее: «Бытие нераздельно, ибо оно всецело равно самому себе; оно не больше где-нибудь, ибо в таком случае оно не было бы единым, и не меньше, ибо всегда одинаково полно сущим. Вселенная есть связь, ибо сущее сливается с сущим. Она неизменна и пребывает прочно в самой себе...» Итак, отождествив бытие с мышлением, Парменид пришел к выводу, что Вселенная как целое неизменна. «Ибо, признав изменение, - пишет он, - мы признали бы небытие того, что существует, а, между тем существует лишь бытие».

«Но позвольте! – скажет кто-то, - все это, возможно, звучит очень убедительно, но как быть с нашим обыденным повседневным опытом? Не много ли мы берем на себя, утверждая, что Вселенная неизменна? Это значит, что никто не рождается и не умирает! Это значит, что окружающий нас мир никогда не меняется! И как быть с движением? Получается, движения тоже нет?» Думается, многие современники (а в особенности последователи Гераклита) не раз задавали Пармениду подобные вопросы и пытались опровергнуть его доводы, ссылаясь на примеры из окружающей нас жизни. Однако они ни на йоту не поколебали его убеждений. «Вы апеллируете к чувствам и мнениям, – говорил он своим оппонентам, - но критерием истины может быть только разум». Ведь бытие как таковое можно постичь только умом, его нельзя наблюдать в нашем известном обыденном сознанию мире и описать обычным

языком. Лишь мудрец способен устремить свой взгляд за завесу вечно меняющейся обыденности и лицезреть за ней пребывающую неизменной Вселенную. Как Гераклит, отрываясь на определенном этапе своих рассуждений от изменяющихся частных, прославлял гармонию единого мироздания, так и Парменид считал истинным лишь целое. А что до конкретных возникающих перед нами объектов, которые, якобы движутся и якобы изменяются, то они просто нереальны. Ведь если все его рассуждения верны (а он не сомневался в этом ни мгновения), значит видимости вообще не существует. Мир кажущегося не более чем ничто!

3) Зенон

Зенон (ок. 490 г. До Р. Х. — ок. 430 г. До Р. Х.) принадлежал к элейской греческой философской школе, которая провозглашала, что любое изменение в мире иллюзорно, а бытие едино и неизменно. Учитель Зенона Парменид утверждал: «Вселенная неизменна, ибо, признав изменение, мы признали бы небытие того, что существует, а лишь бытие существует». Точка зрения Зенона более диалектична. Он говорил: «Предположите существование вашего изменения; в нем, как в изменении, содержится его ничто, или, иначе говоря, оно не существует». При этом нужно заметить, что для Парменида изменение означало определенное и завершённое движение, а Зенон высказывался и выступал против движения как такового, или, иначе говоря, против чистого движения. «Чистое бытие не есть движение, оно, наоборот, есть ничто движения».

Тем, кто придерживался противоположной точки зрения Зенон предлагал опровергнуть его парадокс, сформулированный в виде четырех апорий (от греч. *aporía* «безвыходность»), показывающий, что движение (образец «видимого» изменения) логически невозможно. Большинству современных читателей парадокс Зенона знаком именно в приведенной выше формулировке (ее иногда называют дихотомией — от греч. *dichotomia* «разделение надвое»). Первая апория провозглашала, что невозможно пересечь комнату. Ведь сначала нужно преодолеть половину пути. Но затем нужно преодолеть половину того, что осталось, затем половину того, что осталось после этого, и так далее. Это деление пополам будет продолжаться до бесконечности, из чего делается вывод, что вам никогда не удастся пересечь комнату.

Апория, известная под названием «Ахилл», еще более впечатляюща. Древнегреческий герой Ахилл, непобедимый в беге, собирается состязаться с черепахой. Если черепаха стартует немного раньше Ахилла, то ему, чтобы ее догнать, сначала нужно добежать до места ее старта. Но к тому моменту, как он туда доберется, черепаха проползет некоторое расстояние, которое нужно будет преодолеть Ахиллу, прежде чем догнать черепаху. Но за это время черепаха уползет вперед еще на некоторое расстояние. А поскольку число таких отрезков бесконечно, быstroногий Ахилл никогда не догонит черепаху.

А вот третья апория словами самого Зенона: «Если что-то движется, то оно движется либо в том месте, которое оно занимает, либо в том месте, где его нет. Однако оно не может двигаться в том месте, которое оно занимает (так как в каждый момент времени оно занимает все это место), но оно также не может двигаться и в том месте, где его нет. Следовательно, движение невозможно. Этот парадокс называется «Стрела».

Наконец, существует четвертая апория, в которой речь идет о двух равных по длине колоннах людей, движущихся параллельно с равной скоростью в противоположных направлениях. Зенон утверждает, что время, за которое колонны пройдут друг мимо друга, составляет половину времени, нужного одному человеку, чтобы пройти мимо всей колонны.

Апории Зенона будоражили творческую мысль с самого того времени, как они были сформулированы. Известно, что циник Диоген Синопский в ответ на доводы нашего философа молча встал и начал ходить взад и вперед; таким образом он опроверг его парадокс о невозможности движения делом. Но там, где ведут борьбу доводами, пишет Гегель, допустимо лишь такое же

опровержение доводами; нельзя в таком случае удовлетвориться чувственной достоверностью, а нужно понять. К тому же наличие видимого движения и не оспаривалась Зеноном. Движение обладает чувственной достоверностью, оно существует, подобно тому, как существуют слоны; в этом смысле Зенону и на ум не приходило отрицать движение. Вопрос здесь идет о его истинности, но движение неистинно, ибо представление о нем содержит в себе противоречие; и значит движение не обладает истинным бытием. Опровержение данного положения - совсем другой уровень полемики и подняться до него не просто, поскольку в парадоксе Зенона едва ли не впервые оказались сведены воедино такие фундаментальные понятия, как «пространство», «время», «движение» и человеческое сознание. Соответственно, чтобы доказать нелепость его апорий, необходимо сначала определить философскую, физическую природу пространства, времени и движения.

Сам Гегель, уделивший парадоксу Зенона важное место в своих «Лекциях по истории философии», строит свои доводы следующим образом. Первая форма опровержения состоит в утверждении: «Движение не обладает истинностью, так как движущееся должно дойти до половины пространства, прежде чем оно дойдет до цели». То есть, мы должны признать, как предпосылку, непрерывность пространства. Движущееся должно достигнуть известного конечного пункта; этот путь представляет собою целое. Чтобы пройти целое, движущееся должно сначала пройти половину; теперь конечным пунктом является конец этой половины, но эта половина пространства есть в свою очередь целое, которое, таким образом, также имеет в себе половины; движущееся, следовательно, прежде должно дойти до половины этой половины – и т.д. до бесконечности. Зенон здесь указывает на бесконечную делимость пространства: так как пространство и время абсолютно непрерывны, то нигде нельзя остановиться с делением. Каждая величина (а каждое время и каждое пространство всегда обладают величиной) делима в свою очередь на две половины, которые должны быть пройдены, и это всегда имеет место, какое бы маленькое пространство мы ни взяли. Движение оказывается прохождением этого бесконечного количества моментов; оно поэтому никогда не кончается; движущееся, следовательно, не может дойти до своего конечного пункта.

Общее разрешение этого противоречия, даваемое Аристотелем, заключается в том, что пространство и время не бесконечно разделены, а лишь бесконечно делимы. Но может показаться и действительно кажется, что, будучи делимы, т.е. разделены в

возможности, они должны быть разделены также и в действительности, ибо в противном случае их нельзя было бы делить до бесконечности. Исходя из этого соображения, мы, не задумываясь, соглашаемся, как с чем-то невинным, с утверждением, что движущееся должно дойти до половины; но, таким образом, пишет Гегель, мы уже согласились со всем остальным, т.е. согласились, что оно никогда не дойдет, ибо сказать это раз равнозначно повторению этого высказывания бесчисленное количество раз. Возражают, что в большом пространстве можно признать необходимость дойти до половины, но вместе с тем представляют себе дело так, что в очень маленьком пространстве доходят до такой точки, где деление пополам больше уже невозможно, т.е. доходят до неделимого, не непрерывного, доходят до того, что не есть пространство. Но это неверно, ибо непрерывность есть существенное определение; в предположении наличности половины содержится уже перерыв непрерывности.

Следует сказать: не существует половины пространства, ибо пространство непрерывно; можно разломать на две половины кусок дерева, но не пространство, а в движении имеется только пространство. Можно было бы сказать: пространство состоит из бесконечно многих точек. Обыкновенно представляют себе, что можно переходить от одной такой неделимой точки к другой, но таким образом нельзя продвинуться дальше, ибо таких точек — бесчисленное множество. Своим невинным на первый взгляд допущением Зенон заставляет нас расщепить непрерывное на его противоположность, на неопределенное множество, в следствии этого мы не принимаем непрерывности и, следовательно, не принимаем наличности движения. Ошибочно утверждение, будто оно возможно, если дойдешь до одной такой точки, которая уже не непрерывна; это ошибочно, потому что движение есть связь.

Точно также обстоит дело со второй апорией. Более быстрое движение, утверждает Зенон, не помогает Ахиллу пробежать то расстояние, на которое оно отстает; время, которое он употребляет для этого, используется всегда и более медлительным, чтобы в продолжение его снова опередить первое, хотя и на все меньшее и меньшее расстояние, которое, однако, благодаря непрерывному делению пополам, никогда вполне не исчезает. Аристотель, рассматривая этот довод, говорит по поводу его кратко: «Это доказательство представляет ту же самую бесконечную деленность; оно, однако, ложно, ибо быстроходный все же догонит медленного, если будет дозволено преступить границу». Его ответ, пишет Гегель, правилен и содержит в себе все нужное: в этом представлении принимаются именно две точки времени и два

пространства, отделенные друг от друга, т.е. отграниченные друг от друга; если же мы, напротив, примем, что время и пространство непрерывны, так что две точки времени или пространства, как непрерывные, соотнесены друг с другом, то они суть две точки и в равной же мере не суть две точки, а тождественны. В представлении мы разрешаем этот вопрос легче всего, говоря: «Так как второе тело быстроходнее, то оно в одно и то же самое время проходит более значительное пространство, чем медленно движущееся; оно, следовательно, может дойти до того места, откуда начинает свое движение первое тело, а затем – пойти еще дальше». Время, значит, и есть то ограниченное, за пределы которого, согласно Аристотелю, мы должны выйти, то, через которое должно проникнуть дальше; так как оно непрерывно, то мы, чтобы разрешить затруднение, должны сказать, что то, что мы различаем как две части времени, должно быть взято как одна часть времени. В движении две точки времени, равно как и две точки пространства, суть на самом деле одна точка. Ведь когда мы желаем уяснить себе вообще движение, мы говорим, что тело находится в одном месте, а затем идет в другое место. Во время движения оно уже не находится в первом месте, но вместе с тем еще не находится во втором месте; если бы оно находилось в одном из этих мест, оно находилось бы в покое. Но где же оно находится? Если скажем, что оно находится между этими двумя местами, то этим в действительности ничего не скажем, ибо в таком случае оно также находилось бы в одном месте, и перед нами возникло бы, следовательно, то же самое затруднение. Но двигаться означает быть в данном месте и в то же время не быть в нем, – следовательно, находиться в обоих местах одновременно; в этом состоит непрерывность времени и пространства, которая единственно только и делает возможным движение. Зенон же в своем умозаключении строго отделял друг от друга эти две точки. Дискретность времени и пространства признаем и мы, но в равной же мере им должно быть дозволено преступать границу, т.е. полагать границу как то, что не есть граница, или полагать деленные части времени, которые вместе с тем суть и неделимые части.

Из сказанного очевидно, каким образом можно опровергнуть третью апорию Зенон, когда он говорит: «Летящая стрела находится в покое, и именно потому, что движущееся всегда находится в равном себе «теперь» и равном себе «здесь», в неразличимом»; стрела – здесь и здесь и здесь. Мы можем сказать о стреле, что она всегда одна и та же, так как она всегда находится в одном и том же пространстве и в одном и том же времени; она не выходит за пределы своего пространства, не занимает другого, т.е. большего

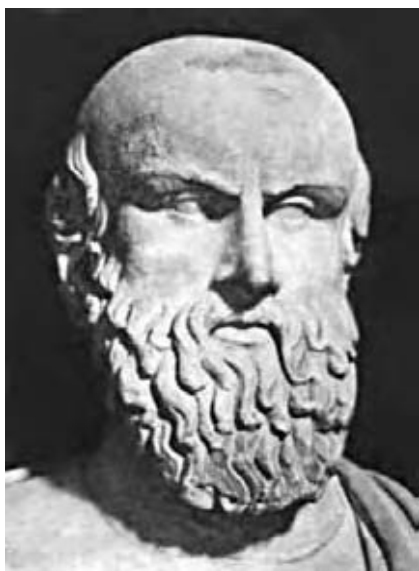
или меньшего пространства, но это мы называем не движением, а покоем. В «здесь» и «теперь» упразднено становление иным; в них, правда, положена ограниченность вообще, но она положена лишь как момент; так как в «здесь» и «теперь», как таковых, не содержится различия. Аристотель говорит об этом третьем доказательстве: «Оно возникает из того, что Зенон принимает, будто время состоит из теперь, но если мы не согласимся с этим, не получится и вывода».

Что до четвертого возражения Зенона, то оно построено на противоречии, получающемся при движении в противоположных направлениях; общее движение целиком получает одно тело, тогда как само по себе оно проделывает только часть. А на самом деле расстояние, пройденное одним телом, есть сумма расстояний, пройденных обоими.

Эпоха равновесия

На протяжении V века до Р. Х. эллинская культура все больше приближалась к изящному и плодотворному равновесию между мифологической традицией древности и светским рационализмом современности. Храмы Зевса, Афины и Аполлона, казалось, в той же мере знаменовали собой торжество рациональной ясности и математического изящества, что и дань, воздаваемую человеком божествам. Аналогично, греческие художники изображали богов и богинь так же, как и греческих мужчин и женщин: идеальными, одухотворенными и, вместе с тем, человеческими и неповторимыми. Боги, однако, по-прежнему были главнейшим объектом художественных устремлений, сохранялось и осознание человеком собственной органичности во вселенских пределах. Новое, творческое отношение к мифу, появившееся у Эсхила и Софокла, или лирика великого Пиндара — поэта, слагавшего торжественные хоровые песнопения и видевшего в атлетических соревнованиях на Олимпийских играх отблеск божественного присутствия, — наводили на мысль, что творческие способности человека могли усиливать божественное могущество и помогать ему ярче проявиться.

1) Рождение греческого театра. Эсхил

История греческой драмы уходит своими глубинными корнями в культ плодородия, связанный с именем бога Диониса, а также в игры, имевшие целью стимулировать производительные силы

природы. Во многих греческих городах в честь Диониса издавна устраивались пьяные шествия. Участники этих процессий изображали сатиров – свиту Диониса. Они надевали козьи шкуры, вымазывали себе лица виноградным суслом, пели, плясали и славили своего хмельного бога. Отходящие от единого ствола две ветви театрального действия – трагедия и комедия – выражали соответственно скорбь о неизбежной гибели умирающего бога и ликование по поводу его воскресения. Сами названия обоих жанров непосредственно связаны с праздником Диониса. Трагедия – дословно: песнь козлов (по поющим ряженным, одетым в козлиные шкуры); комедия – по косму – шумному действию участников праздника, уже отдавших должное дарам Диониса.

Издревле в честь Диониса исполнялись особые гимны – дифирамбы. Этот жанр хоровой лирики изначально содержал в себе зачатки трагедии. Ведь помимо общих партий, исполняемых всем хором, в нем имелись диалоги между корифеем (запевалой) и остальными участниками хора. Каким образом вместо Диониса главными фигурами действия сделались другие боги, а потом, наряду с ними, и герои мифов, нам доподлинно неизвестно. Но как бы то ни было, в VI в. до Р.Х. празднества в честь Диониса были только поводом для исполнения дифирамбов, содержание которых могло быть совершенно произвольным и вообще никак не связанным с этим богом.

Дальше – больше. В 534 г. до Р.Х. некто Феспид из Икарии ввел в действие одного актера. В результате диалог велся теперь не только между хором и его запевалой, но также между последним и актером. Это был важный шаг на пути к драме. К сожалению, ни от творений Феспида, ни от произведений его ученика Фриниха до нас ничего не дошло. В самом начале V в. до Р.Х. афинский драматург Эсхил ввел в действие второго актера. Это нововведение было вызвано потребностью усилить драматическое действие и необходимостью как можно лучше развернуть его перед зрителями, давая им возможность видеть воплощенную на сцене судьбу действующих лиц. В дальнейшем трагедия продолжала развиваться в том же направлении: хоровое пение начинает занимать в ней в сравнении с диалогом все меньше и меньше места, среди ее персонажей появляются не только мифические герои, но также исторические лица. Таким образом, буквально на глазах одного поколения, родился греческий театр. От ритуалов Диониса греческая трагедия унаследовала уважение к сильной страсти.

Однако, даже тогда, когда драмы в Афинах не имели уже ничего общего с богом виноделия, постановка их осуществлялась только

во время праздников в честь Диониса (так называемых, Великих Дионисий). Из этого видно, что древние афиняне относились к театру не как к искусству в чистом виде, но видели в нем своего рода религиозную церемонию.

Состязательность, пронизывающая всю полисную жизнь, сказалась и на организации театральных зрелищ. Правом предлагать свои произведения в дар Дионису обладал каждый свободный житель Афин. Но авторитетная комиссия отбирала только трех авторов трагедий и, соответственно, комедий. Вслед затем в течение десяти месяцев шла подготовка выбранных пьес к показу. Обязанности набрать хор, обучить его, снабдить костюмами и жалованием возлагалась на какого-нибудь богатого гражданина, государство же брало на себя только приглашение и вознаграждение автора и актеров. Репетициями руководил сам поэт. Некоторые авторы (к примеру, Эсхил) сами исполняли главные роли в своих трагедиях. Устройство театра было очень простым: прямо на склоне акрополя афиняне высекали полукруглые ступени, на которых располагались каменные скамьи для зрителей (сидеть целый день на жестком камне было не удобно, поэтому афиняне являлись на представления со своими подушками). Вообще в театре могло присутствовать до 17 тыс. человек. Доступом на представление пользовались все свободные жители. На комедиях, несмотря на их легкомысленное содержание, присутствовали даже женщины. Каждый уплачивал за свое место по два обола (один обол был равен 0,728 г серебра). Бедным эта сумма выдавалась из государственного казначейства. Сбор поступал в кассу арендатора театра. Садиться можно было где угодно, кроме первых почетных рядов, предназначенных для должностных лиц, жрецов, олимпийцев и, конечно же, жреца Диониса. Лестницы, шедшие радиусами сверху вниз, и широкие поперечные проходы разделяли этот амфитеатр на несколько частей. Внизу располагались алтарь Диониса, орхестра для хора и сцена, где играли актеры. Орхестра представляла собой круг, мощенный мраморными плитками, а в качестве сцены служила деревянной площадка, открытая со стороны публики и закрытая с трех других сторон (для лучшего резонанса). Так как обычным фоном для греческих пьес был дворец, то задний план представлял собой большей частью трехэтажное здание с открывавшимися на сцену дверями.

Театральное представление на Великих Дионисиях продолжалось все светлое время суток – от восхода до заката. Ведь каждый трагический поэт выносил на суд публики по четыре пьесы, из которых три составляли трилогию, то есть трагическую историю в трех частях, тогда как четвертая была сатирической драмой с

хорами сатиров. Комические поэты представляли только по одной комедии.

С самого своего рождения театр был любимым зрелищем афинян, которые горячо сопереживали тому, что происходило на сцене, выражая свои чувства аплодисментами или шиканьем. Можно сказать, они вели себя точь-в-точь, как нынешние зрители. Между тем характер самих постановок довольно сильно отличался от современных. Декорации были очень несложны. Обыкновенно все действие трагедии или комедии проходило при одной и той же обстановке. Занавеса не существовало. Все роли, в том числе и женские, исполнялись мужчинами. Известно, что греческие актеры во время представления надевали обувь на очень высоких подошвах и большие парики, а чтобы придать героям более величественный вид, костюмы делались на подкладке из шерсти. Важную принадлежность образа актера составляли маски, которые давали известные типические выражения лица (грусть, отчаянье, радость и т.п.). У каждой маски имелся широко открытый рот, который усиливал голос подобно рупору.

Комиссия из десяти членов, выбранная по жребию среди наиболее сведущих граждан, по окончании представления распределяла награды трагическим и комическим поэтам, пьесы которых были признаны наилучшими. Первоначально такими наградами для автора трагедии был козел, а для автора комедии - корзина с фигами и амфора с вином. Впоследствии наградой служил венок из плюща, который вручался поэту на сцене перед собравшейся публикой. Награды давались также хорегам (начальникам хора), сумевшим лучше всех поставить дело, и актерам, выступавшим в первых ролях различных пьес.

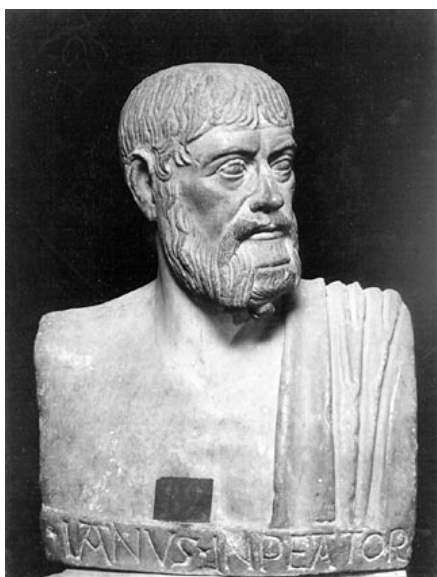
Расцвет афинской трагедии был связан прежде всего с именами трех великих поэтов: Эсхила, Софокла и Еврипида. Увы, о жизни каждого из них мы располагаем очень скудными сведениями. Известно, что Эсхил родился в 525 г. до Р.Х. в Аттике, в городе Элевсине, и происходил из рода знатных землевладельцев. Судя по сохранившейся надгробной надписи (сочинение ее приписывают самому Эсхилу), он участвовал в битве с персами при Марафоне, а также в морском Саламинском сражении и в сухопутном при Платеях. Незадолго до смерти Эсхил переселился в Сицилию, где и умер в 456 г. до Р.Х. в городе Геле.

Первое выступление Эсхила в качестве трагического поэта пришлось на 70 Олимпиаду (то есть на 500-497 гг. до Р.Х.). Что это была за пьеса, теперь не известно. Вообще, из всего его огромного

наследия (не менее восьмидесяти пьес) до наших дней дошло только семь трагедий. Они дают хорошее представление о том, чем был греческий театр в эпоху своего рождения. Самая известная трагедия Эсхила - «Прометей Прикованный» - повествует о муках, которые терпит благородный титан Прометей за то, что похитил и принес людям божественный небесный огонь. В наказание он, по повелению Зевса, прикован к скале на далеком Кавказе, его грудь пронзило несокрушимое острие, каждая минута его жизни – непереносимое страдание. Но Прометей не сломлен. Он не только не склонился перед Зевсом, но грозит ему неминуемым возмездием. Здесь замечательна сама обработка старинной истории, предпринятая поэтом. Эсхил рисует Прометея безвинным страдальцем и непримиримым борцом за справедливость, между тем как миф представлял его плутоватым хитрецом и ловким пройдохой. Зато образ Зевса дается Эсхилом в самых черных красках: это настоящий тиран – сластолюбивый, безжалостный и несправедливый. И хотя, на первый взгляд, Зевс в конце трагедии торжествует над своим поверженным врагом (его перуны сокрушают скалу с прикованным к ней героем и низвергают ее в бездну Аида), на самом деле он терпит поражение. Ведь Прометей не смирился и не выдал царю богов страшную тайну о том, как тому избежать тяготеющего над ним проклятья Крона. И пусть зло теперь царствует над миром, добро неминуемо придет ему на смену.

Таков сюжет этой замечательной истории, которая по сей день продолжает трогать и волновать читателя. И все же следует признать, что при всей своей гениальности, Эсхил кажется современному человеку чересчур архаичным. Просматривая любую из его трагедий, прежде всего обращаешь внимание на непереносимое присутствие хора. Хор является не только соучастником событий, но и главным двигателем сюжета: в одном случае без него не получилось бы диалога, в другом было бы не ясно происходящее, в третьем – и это самое поразительное – вообще не оказалось бы главного действующего лица, потому что хор как раз и есть тот герой, вокруг которого вертится драма! Что до остальных персонажей, то они у Эсхила еще очень статичны и на всем протяжении трагедии сохраняют свой цельный характер. Однако, не смотря на всю их величавость, это живые и страстные существа, не чуждые человеческих слабостей и сомнений.

2) Греческая хоровая лирика. Пиндар

Прежде, чем говорить о знаменитом беотийском поэте Пиндаре, считавшимся непревзойденным мастером хоровой лирики, следует сказать несколько слов о самом этом жанре, ныне практически исчезнувшем. Древнегреческая лирика имела две разновидности: монодическую и хоровую. И та и другая были пением под музыку; но в монодической лирике пел сам поэт, в одиночку и от собственного лица, а в хоровой лирике пел хор, то ли от лица поэта, то ли от лица самого хора, то ли от лица всех сограждан, выставивших этот хор. Темы монодической лирики были просты и понятны – вино, любовь, вражда, уходящая молодость. Предметом хоровой лирики были славословия богам или знаменитым согражданам, а также размышление о высоком и отвлеченном (например, о смысле жизни и судьбе).

Из сказанного видно, что хоровая лирика, в отличие от монодической, имела подчеркнуто общественное значение. Каждое жертвоприношение, каждое шествие, каждый обряд у греков сопровождалось пением и пляской. Но все они имели свои особенности. Песни в честь богов вообще назывались гимнами, специальные в честь Аполлона – пеанами, а те, что прославляли Диониса – дифирамбами. Если гимн пелся во время шествия, он назывался просодием, если он сопровождался пляской, его именовали гипорхемой. Наконец, оды в честь атлетов - победителей на состязаниях – составляли особый раздел хоровой лирики - эпиникии. Исполнение их имело важное значение. Ведь победа гражданина на всеэллинских играх считалась общегражданским торжеством, и песня ему была песней его городу.

По своему строению монодическая и хоровая лирика также заметной отличались друг от друга. Формой монодической лирики были короткие и складные строчки, легкие для восприятия и подражания; формой хоровой лирики – громоздкие периоды, уловить в которых стихотворный ритм оказалось настолько трудно, что в последующие века их читали не как стихи, а как поэтическую прозу. Среди мастеров монодической лирики числилось много известных поэтов (Сапфо, Анакреонт, Архилох и др.). Но хоровая лирика в представлении всех греков связывалась прежде всего с именем Пиндара!

Известно, что будущий поэт родился в 518 г. до Р.Х. в деревне Киноскефалы Фиванской области. Рассказывают, что однажды в детстве Пиндар охотился на Геликоне и от большой усталости заснул, а пока он спал, к устам его прилетели пчелы и сделали там свои соты. От того он обратился к стихотворству. Беотия в ту пору считалась богатой областью, но отсталой в культурном отношении. Местная лирическая школа была очень замкнутая и архаичная, ее поэты пользовались местным диалектом и разрабатывали местные мифы. (Характерно, что среди них были женщины – самой талантливой из них считалась Коринна из Танагры). Однако Пиндар не стал продолжателем местной школы, и даже музыке учился он не в Фивах, а в Афинах. Имя его учителя было то ли Агафокл, то ли Аполлодор. Однажды, отъезжая с хором на чужую сторону, он доверил свое училище подростку Пиндару, и тот так хорошо управлялся, что сделался помощником учителя.

Впрочем, пора ученичества была недолгой. Самый ранний из эпиникиев Пиндара датируется 498 г. до Р.Х. С этого времени начинает расти его всегреческая слава. В 476 г. до Р.Х. тиран Сиракуз Гиерон пригласил Пиндара в Сицилию. Он полагал, что тот станет украшением его двора, и не ошибся – Пиндар написал для тирана несколько эпиникиев, которые на весь греческий мир прославили Гиерона как усмирителя варварства, утвердителя порядка и гармонии. Для самого поэта жизнь в Сиракузах стала важным этапом в его творческой карьере. Здесь, в самом блестящем политическом центре Греции, он окончательно выработал свою манеру и отточил до совершенства свой стиль. По возвращении из Сицилии для Пиндара настала пора громких устойчивых успехов. Заказы идут к нему со всех сторон. Он пишет и для Коринфа, и для Родоса и для Аргоса и для Кирены, но самая прочная связь установилась у Пиндара с олигархической верхушкой Эгины: из 45 его эпиникиев 11 посвящены эгинским атлетам. Писал он и для афинян. Рассказывают, что в 474 г. до Р.Х. афиняне заказали ему дифирамб. Обращаясь в нем к Афинам, Пиндар

назвал этот город «оплотом Эллады». Возмущенные фиванцы (вспомним, какие натянутые отношения всегда существовали между ними и афинянами!) наложили на поэта пеню в тысячу драхм, но афиняне сами выплатили за него штраф.

Творческое наследие Пиндара было огромно. Известно, что он написал семнадцать книг, включавшие в себя все жанры хоровой лирики: гимны, пеаны, дифирамбы, просодии, парфении, гипорхемы, энкомии, френы и эпиникии. Однако из всего этого до наших дней дошли только эпиникии – торжественные песни в честь победителей на спортивных состязаниях. Чтобы лучше понять особенности этого жанра, вспомним, что все общеэллинские игры в Древней Греции были не столько спортивным, сколько религиозным празднеством. В понимании греков состязания должны были выявить не того, кто был лучше всех в данном спортивном искусстве, а того, кто лучше всех вообще – того, кто осенен божественной милостью. Спортивная победа была лишь одним из возможных проявлений этой божественной милости. Фантастический почет, который воздавался в Греции олимпийским, пифийским и прочим победителям, стремление городов и партий в любой борьбе иметь их на своей стороне, - все это объяснялось именно тем, что в них чтили не искусных спортсменов, а любимцев богов. Спортивное мастерство оставалось личным достоянием атлета, но милость богов распространялась на его родичей и сограждан.

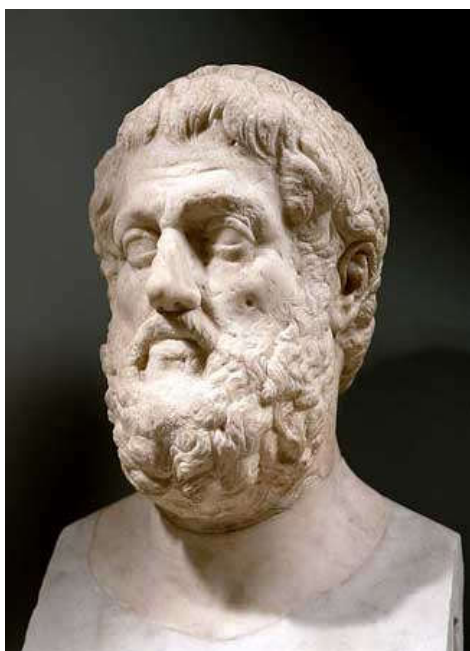
Как и любое яркое событие этой жизни спортивная победа должна была быть «воспета». Если она не нашло своего поэта, она забывалась и переставала существовать. «Счастье былого – сон, - говорит Пиндар в одной из своих од, - люди беспамятны... ко всему, что не влажено в струи славословий». Также считали его современники и не скупились на расходы, заказывая эпиникии самым модным и известным поэтам. Что ж, они не ошиблись! Ведь все те атлеты, имена которых запечатлелись в стихах Пиндара, именно благодаря этому известны в наше время и будут известны еще многим и многим поколениям.

Когда звезда Пиндара взошла на поэтическом небосклоне, история хоровой лирики насчитывала уже шесть поколений. Жанр этот считался давно сложившимся. В состав эпиникии должны были входить местные и личные элементы, касающиеся победителя, прославление его рода, предков, общины, указание на место и характер состязания, где были одержаны победы. Столь же постоянной частью являлись мифы и наставительные размышления. Однако Пиндар далеко не всегда следовал

сложившимся канонам. Античного слушателя, привыкшего к порядку и норме, это поначалу смущало. Но вскоре за Пиндаром закрепилась репутация поэта «высокого стиля», в котором главное достоинство – «мощь», и все остальные качества отступают перед ней. И действительно, стиль Пиндара поражает своей торжественностью и пышностью, богатством изысканных образов и эпитетов. Каждое его слово полновесно. Все второстепенное, неяркое отбрасывается. Для описания доблести своего героя, его рода и города Пиндар не жалеет слов. Для каждого города, делавшего ему заказ, он писал с такой отдачей, словно сам был его гражданином. Ведь он никогда не выделял себя из общей массы греков, считал себя эллином по преимуществу, и лишь потом – беотийцем.

Но патриотический порыв, объединивший греков в их борьбе с персами, быстро прошел. На передний план вновь выходит полисный патриотизм. Начиная с 450-х гг. призывы Пиндара к всэллинскому единству встречали все меньше понимания у современников. Эпоха, в которой расцвело и бурно развилось его творчество, подходила к концу. В 447 г. до Р.Х. Пиндар пишет последнюю из его сохранившихся од, в которой читаются знаменитые слова о роде человеческом: «Одnodневки, что – мы? Что не мы? Сон тени – человек». А другая ода той же поры откликается на это: кто и прекрасен и силен, «пусть помнит: он в смертное тело одет, и концом концов будет земля, которая его покроет». Таких мрачных нот в прежнем творчестве Пиндара никогда не бывало! Началось угасание его творческих сил, казавшихся неисчерпаемыми. В 438 г. до Р.Х. через паломников, отправлявшихся в Египет к богу Аммону, Пиндар испросил себе того, что "лучше всего для человека", и после этого в тот же год скончался.

3) Софокл

Драматург Софокл был младшим современником Эсхила. Он родился в 496 г. до Р.Х. в предместье Афин Колоне, в семье владельца оружейной мастерской. Будущий поэт получил хорошее образование, начал сочинять трагедии в юности, а в 468 г. до Р.Х. одержал свою первую сценическую победу над Эсхилом. И надо думать, это был заслуженный триумф, ибо в творчестве Софокла драматическое искусство сделало огромный шаг вперед. Начать с того, что поэт ввел в трагедию третьего актера (а поскольку каждый из них играл по несколько ролей, число персонажей заметно возросло). В то время как у Эсхила длинные партии хора чередовались с такими же длинными монологами героев, у Софокла на смену им пришел живой и динамичный диалог. Сюжет окончательно переместился в диалогическую часть трагедии, а хор стал играть только вспомогательную роль. Считается также, что Софокл первым из древних трагиков стал пользоваться декорациями – важное новшество, сыгравшее большую роль в дальнейшей истории театра.

Впрочем, все это были, хотя и существенные, но чисто внешние детали. Великое значение Софокла для истории театра заключалось в другом – он первым из поэтов сумел выразить трагическое не просто в словах, но в самих образах выведенных им героев. Если у Эсхила преобладала внешняя, описательная сторона действия, и зритель словно смотрел на происходящее глазами хора или находящихся на сцене персонажей, то Софокл сделал

действующими фигурами самих героев, и зритель неожиданно почувствовал, что трагедия разворачивается не где-то там, а перед его собственными глазами. Он вдруг понял, что перед ним движутся не просто актеры, одетые в костюмы и озвучивающие чьи-то слова, а мучаются, страдают и умирают реальные люди. И люди эти были по-настоящему живыми! В то время как Эсхил старался сразу обрисовать характер персонажа, который оставался затем неизменным на протяжении всей трагедии, то Софокл умел выразить сущность личности в связи с последовательным ходом драматического действия, тонко, шаг за шагом раскрывая психологию человека.

Нам остается только пожалеть, что от огромного наследия Софокла (считается, что за свою жизнь он написал не менее 120 трагедий) до нынешних времен дошли лишь жалкие крохи - всего семь пьес. Но, с другой стороны, это, несомненно, лучшие из его творений, позволяющие почувствовать гений поэта во всем его блеске.

Одна из самых известных трагедий Софокла – «Эдип-царь». Сюжет ее вкратце следующий. Несчастный Эдип еще до своего рождения был обречен сделаться орудием рока – покарать за свершенное преступление своего отца – фиванского царя Лаия. И сын и отец знают, что им суждено и всеми силами стараются уйти от предсказанной им судьбы. Так Лаий тотчас после рождения избавляется от сына и обрекает его на смерть в лесной чаще. Но обстоятельства складываются таким образом, что Эдип остается жив и мужает в семье приемных родителей, которых он считает родными. Страшась исполнения пророчества (Пифия предрекла ему, что он станет убийцей своего отца), Эдип бежит из дома и на горной дороге случайно сталкивается с Лаием. Происходит нелепая ссора. В гневе Эдип повергает старика ударом копья и уходит, не зная, что сделался отцеубийцей. Спустя короткое время, победив Сфинксу, он сам становится царем Фив и женится на вдове погибшего, не ведая, что взял в жены свою собственную мать. Многие годы после этого Эдип живет счастливо и спокойно, пока внезапно начавшийся мор не заставляет его обратиться к поискам убийцы Лаия.

Именно с этого момента начинается действие трагедии Софокла. Но предметом ее оказываются не столько хитросплетения мифа (это для нас история Эдипа представляется круто закрученным детективом; для зрителей античного театра никакой интриги в ней не было – они с самого начала знали, кто убийца), сколько сам Эдип, постепенно прозревающий страшную истину. Вот он в начале пьесы – уверенный в своей правоте, деятельный, уважаемый всеми государь. Он искренне негодует на прорицателя Тиресия, не желающего назвать имя преступника. Несчастный! Он не ведает,

что сам, своими руками рушит свое счастье. Но вот, наконец, страшное обвинение произнесено. Потрясенный Эдип бросается к жене, стараясь с ее помощью опровергнуть ложь, а вместо этого слышит слова, подтверждающие самые худшие из его подозрений. В душу его закрадываются сомнения. Он уже верит и не верит, однако хочет до конца узнать истину. И истина выходит наружу! Люди, каждый из которых в течение многих лет хранил частицу страшной тайны, наконец, по воле царя, собираются вместе. Их свидетельства неопровержимы – Эдип отцеубийца! Это открытие повергает его в ужас. Его переполняют противоречивые чувства, он не знает на что решиться, а судьба тем временем наносит ему новый тяжкий удар – кончает с собой его мать и жена Иокаста. В исступлении Эдип выкалывает себе глаза и отрекается от власти. Все! Он сокрушен, он повержен обстоятельствами. Как не похож Эдип в конце пьесы, на того Эдипа, что был в начале, и вся эта метаморфоза, мастерски описанная, происходит на глазах изумленного зрителя.

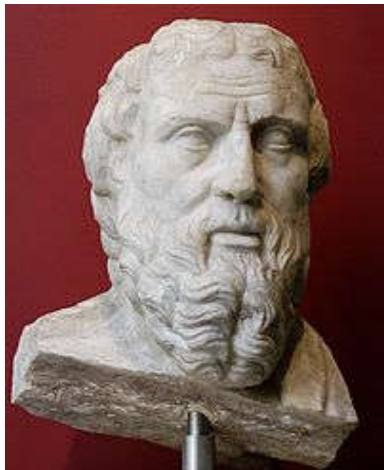
Какое множество разнообразных чувств и вопросов должно было рождать у него удивительное произведение Софокла! Кто Эдип: жертва или преступник? Если жертва, то почему терпит такие страдания? А если преступник, то в чем его вина? Можно ли судить его за то, что было предрешиено судьбой еще до его рождения? Ведь вся жизнь Эдипа прошла в тщетных попытках избежать преступления, которое все равно настигло его по воле рока. Другая вечная проблема – конфликт между человеком и государством – раскрывается в трагедии Софокла «Антигона» (442 г. до Р.Х.). Сюжет этого мифа в двух словах сводится к следующему. В Фивах, после того, как их покинул Эдип, правят его сыновья Этеокл и Полиник. Но, не поделив между собой власть, братья вступают в борьбу. Один из них, Полиник, бежав из города, приводит для борьбы против сограждан войско аргосцев. И, как это часто случается в гражданских войнах, братья оказываются врагами. Полиник нападает на Фивы, Этеокл – их защищает. И оба гибнут в единоборстве. Царем становится их дядя Креонт. Он решает отметить пышными похоронами патриотический подвиг Этеокла и покарать за предательство уже мертвого Полиника. Царь запрещает хоронить племянника и приказывает в знак позора оставить его останки на растерзание хищным птицам. Тем самым он обрекает душу Полиника на вечные скитания в Аиде. Нарушение запрета грозит ослушнику смертью. Этот бесчеловечный приказ, разнесенный по всему городу глашатаями, слышит сестра погибших, юная Антигона. Она оказывается перед ужасной дилеммой. С одной стороны, как законопослушная гражданка, она должна исполнить царский приказ. Но с другой стороны, долг

любящей сестры заставляет ее совершить похоронный отряд, выступив таким образом против дяди, против его стражи, против общественного мнения и против самой судьбы, которая сразила ее отца и братьев. Она нарушает запрет и оказывается в руках стражи. Креонт, уверенный в том, что каждое распоряжение главы государства – закон, приказывает казнить Антигону. Ведь если оставить неповиновение без последствий, ее примеру могут последовать другие, и тогда будут разрушены самые основы власти. В защиту Антигоны вступаются и мудрый прорицатель Тиресий, и сын Креонта, доказывающий отцу косность и несправедливость его суждений. Но царь неумолим. Антигона погибает. Гибнет и сын Креонта, жених Антигоны, убивающий себя сам. Кончает самоубийством жена Креонта.

Какой же следует вывод из всего происшедшего? С точки зрения нынешнего читателя он представляется очевидным: Антигона одерживает моральную победу. Гордыня и деспотизм осуждены. Закон человечности оказывается выше законов самодержца. Но окончательное суждение тогдашнего зрителя было далеко не так однозначно. Афиняне глубоко проникались гражданским чувством. Ценности государственной жизни в их глазах стояли выше ценностей индивидуальной личности. И потому позиция Креонта вполне могла показаться им заслуживающей внимания. Он ведь тоже по-своему прав и, отрекаясь от племянника во имя родины, также идет на личную жертву. А то ужасное положение, в котором он оказался в конце пьесы, разве оно не заслуживает сочувствия? В этом и заключается неразрешимый трагизм ситуации, мастерски представленной на сцене Софоклом. Она заставляет задуматься о множестве вопросов: что есть добро и что зло? Для чего приходит в этот мир человек и в чем суть его долга? Как должны строиться отношения между личностью и государством? И еще о многом-многом другом.

О жизни Софокла сохранилось до обидного мало сведений. Но мы знаем, что он был истинным человеком своего времени, глубоко проникнутым полисным патриотизмом. Он деятельно участвовал в общественной жизни родного города, занимал ряд государственных должностей и был одним из ближайших сподвижников Перикла. Умер Софокл глубоким стариком в 406 г. до Р.Х.

4) Геродот

О том, где жил Геродот, прозванный еще в древности «отцом истории», и чем он занимался, мы к сожалению, знаем совсем немного. В своем труде он упоминает об этом лишь мимоходом, а других источников о его жизни у нас до обидного мало. Однако можно считать установленным, что родился Геродот где-то около 485 г. до Р.Х. и родиной его был старинный город Галикарнас, имевший смешанное дорийско-карийское население. С раннего возраста Геродот наблюдал за тем, как прибывают в гавань корабли из самых отдаленных областей Востока и Запада, и это могло заронить в его душу желание познать далекие страны. Но прежде Геродот принял участие в политической борьбе, итогом которой стало утверждение в Галикарнасе умеренной олигархии. Нам не известно как долго после Саламинского сражения продолжалось правление мудрой царицы Артемисии. Этой выдающейся женщине наследовал ее сын Псиндел, а ему Лигдам Младший – второй сын или внук Артемисии. Против него-то и составила свой заговор галикарнасская знать. Среди заговорщиков традиция упоминает имя Геродота. Первое выступление не увенчалось успехом: Геродоту пришлось отправиться в изгнание на Самос, а его дядя – выдающийся эпический поэт Паниасид – погиб. Окончательно Лигдам был свергнут ок. 454 г. до Р.Х., но при участии Геродота или уже без него мы не знаем.

Собирать материал для своей будущей «Истории» Геродот начал, видимо, на Самосе. По крайней мере, в дальнейшем он обнаруживает прекрасную осведомленность о происходивших здесь в прошлом событиях. Но он был не из тех людей, что долго засиживаются на одном месте. Жадное любопытство влекло его все дальше и дальше от родной земли. Для Геродота началась жизнь полная странствий: в следующие 10-15 лет он объехал и посетил множество стран, присматриваясь к жизни населявших их народов.

Более всего Геродота привлекал Восток. Покинув берега Средиземного моря, он добрался до Вавилона – одного из крупнейших городов того времени. Затем он побывал в Персии, Ассирии, Экбатанах. Но особенно поразил Геродота Египет. Ведь эта древняя страна, с ее грандиозными пирамидами, всемогущей жреческой кастой и удивительными обычаями так не походила на его родную Грецию! Ознакомившись с дельтой Нила, Геродот совершил затем трехмесячное путешествие вверх по реке, добравшись до острова Элефантины. Жизнь чужой страны открылась перед ним во всем своем многообразии. Геродот заходил в мастерские бальзамировщиков, интересуясь всеми подробностями их ремесла. В храмах он просил перевести ему старинные надписи и расспрашивал жрецов об истории фараонов. Он присутствовал на религиозных празднествах египтян, восторгаясь необычайной красочностью их одежд и замысловатыми прическами. Добравшись до великих пирамид, он шагами измерил длину их подножия. Все полученные им сведения, а также заметки об увиденном он изложил потом в своей «Истории». Дойди до наших дней только эта часть его труда, имя Геродота, наверняка, не было бы забыто. Но он успел объехать и описать еще много других земель! Позже в его труд попадут заметки о Малой Азии, Геллеспонте, Северном Причерноморье и милетской колонии Ольвии. Геродот оставил замечательный очерк о Скифии – лучший из всех, сделанных древнегреческими историками. Он хорошо знал Фракию, Македонию, Дельфы, Фивы, Афины и другие государства Балканского полуострова. По-видимому, он объездил Пелопоннес и побывал на многих островах.

Однако мало было все это увидеть. Следовало еще интересно рассказать об увиденном. И тут на помощь Геродоту пришел его замечательный талант рассказчика. Из самых разнообразных материалов – собственных наблюдений и изысканий, легенд, мифов, исторических анекдотов, устных рассказов, документов и трудов своих предшественников он сумел выткать чрезвычайно своеобразное, яркое и цельное произведение – свою знаменитую «Историю». Работа над ней стала делом всей его жизни. Первые наброски делались, наверно, еще в пути, по свежим впечатлениям. Но всерьез Геродот приступил к делу позже, после того, как возвратился в Грецию и поселился в Афинах. В 445 г. до Р.Х. во время Панафинейских празднеств, он прочитал перед собравшимися несколько отрывков из своей книги. Восторг слушателей был необычайный! Имя Геродота сразу приобрело громкую известность, и с тех пор слава не покидала его до самой смерти.

Тогда же вместе с философом Протагором, великим архитектором Гипподамом и некоторыми другими видными деятелями эпохи Геродот принял участие в выведении общеэллинской колонии Фурии. Считается (хотя точных данных на этот счет нет), что свою знаменитую «Историю» он окончил именно здесь. Композиция ее достаточно сложна. В ведении к своему труду Геродот пишет, что собирается описать «великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров... в особенности же то, почему они вели войны друг с другом». Таким образом, главную свою задачу Геродот видел в составлении истории греко-персидских войн, но он приступил к ней не сразу и не вдруг. Основной части труда предшествует объемное введение, в котором Геродот изложил историю Лидии в связи с войнами Кира, подробно рассказал о Египте и ранней истории Персии. Сюда же вошло описание похода Дария против скифов. По ходу разворачивания сюжета Геродот делал многочисленные экскурсы и отступления, которые он сам называл «добавлениями». Они казались ему совершенно необходимыми. Ведь Геродот пытался осмыслить все, что ни попадало в поле его зрения. Удивительные происшествия, случаи из жизни великих людей и правителей, странные обычаи варварских народов, колоссальные сооружения, поразительные явления природы, невиданные животные и растения – обо всем этом он старался если не рассказать, то упомянуть. Особенное внимание Геродот уделял описанию варварских племен, их быта и обычаев, браку, семье, жилищам и одежде. В результате введение вобрало в себя обширнейшую подборку сведений о разных странах и народах, собранных Геродотом за годы его странствий. Материал этот чрезвычайно ценный, а зачастую и совершенно уникальный. Не включи его Геродот в свое повествование, мы бы сейчас гораздо меньше знали о древних скифах, фракийцах, персах, вавилонянах, лидийцах и многих-многих других древних народах. Вследствие этого Геродота можно считать не только «отцом истории», но и с не меньшим основанием отцом другой науки – этнографии.

Вторая часть «Истории», которую следует считать главной, посвящена собственно истории греко-персидских войн. Она распадается на три части. В первой излагаются события великого ионийского восстания, во второй рассказывается о мести Дария грекам за помощь, оказанную ионийцам. Третья содержит историю похода Ксеркса. Повествование обрывается на событиях 479 г. до Р.Х., то есть задолго до окончания войны. По-видимому, Геродот не успел завершить начатый им труд. Обстоятельства его смерти не известны. Вполне возможно, что Геродот умер не в Фуриях, а в Афинах. Считается, что он скончался до 425 г. до Р.Х.

Торжество рационализма

С приближением конца V века до Р.Х. бывшее равновесие между мифологической традицией древности и светским рационализмом современности продолжало смещаться в сторону человека. Смелые научные теории Анаксагора и Демокрита, глубокий исторический анализ Фукидида, перспективные медицинские труды Гиппократы, — все это расширяло кругозор эллинского мышления, побуждая его к поиску рациональных причин всего сущего для постижения Природы. Перикл тесно общался с философом-рационалистом и физиком Анаксагором; широкое распространение получило строгое интеллектуальное направление, скептически относившееся к старым, сверхъестественным объяснениям мира. Ныне человек воспринимал самого себя скорее как достижение цивилизованного продвижения вперед из состояния дикости, чем результат вырождения мифического золотого века. Торговый и политический подъем, в котором активно участвовал "средний класс", привел к неприязненному отношению к аристократической иерархии древних богов и героев. Воспетое Пиндаром старомодное общество его покровителей — аристократов — начало уступать место новому порядку, в котором царила атмосфера постоянного ожесточенного соперничества за место под солнцем. Подобные перемены оттеснили и почитаемые Пиндаром старые религиозные ценности и санкции, направленные против проявлений Человеческой дерзости. В Афинском полисе традиционная вера в богов была подорвана: силу набирал иной дух — более критический и "светский".

1) Анаксагор

Анаксагор был уроженцем ионийского города Клазомены. Он родился в 500 г. до Р.Х. и происходил из знатной, богатой семьи. Однако богатства занимали его очень мало. Когда родственники стали попрекать Анаксагора, что он не заботится о своем добре, он сказал им: «Почему бы вам самим о нем не позаботиться?» В конце концов он отказался от всего, чем владел, и занялся умозрением природы. К государственным делам он также был равнодушен. Когда его спрашивали, для чего он родился на свет, Анаксагор отвечал: «Для наблюдения солнца, луны и неба». Сograждане возмущались: «И тебе дела нет до отечества?», Анаксагор возражал: «Отнюдь нет; мне очень даже есть дело до отечества!» – и указывал при этом на небо.

Постоянно размышляя о внеземных материях, Анаксагор пришел к поразительному для того времени заключению, что небесные тела это, отнюдь, не боги, а камни, которые вращаются вокруг Земли и держатся на своих местах благодаря скорости движения. Поначалу никто не принимал его теорию всерьез, но, когда в 467 г. до Р.Х. в Сицилии упал огромный метеорит, это сочли наглядным доказательством того, что в странных рассуждениях молодого философа есть доля истины. С тех пор имя Анаксагора делается широко известным. Около 461 г. до Р.Х. он покинул родной город и перебрался в Афины, в которых затем прожил безвыездно тридцати лет. Анаксагор имел здесь многочисленных учеников и первым ознакомил афинян со всеми достижениями ионийской философии. В немалой степени благодаря ему Афины сами вскоре сделались крупнейшим в Греции философским центром.

Из философских вопросов, более других занимавших Анаксагора, главным была проблема взаимного превращения тел. В самом деле, почему одно превращается в другое? Анаксагор всецело разделял положение Гераклита о том, что «все течет», однако не желал принимать великую гипотезу Левкиппа об атомарном строении вещества и создал собственную оригинальную теорию превращений. Он считал, что все существующее, как, например, кости, металл, мясо и т.п., состоит внутри себя из бесконечного множества частиц: мясо – из частиц мяса, золото – из частиц золота и т.д. Эти невидимые бесконечно делимые частицы, каждая из которых сохраняет в себе свойства данного вещества, он называл первоначалами. Любое первоначало неоднородно. Оно содержит в себе части других первоначал, но более малого порядка. «Каждое первоначало подобно целому заключает в себе все существующее и сущее не просто бесконечно, но бесконечно бесконечно», – говорил Анаксагор. Из-за перемешивания первоначал в мире действует принцип: «Во всем есть часть всего».

Все содержится во всем, и все возникает из всего! Оно лишь кажется различным и получает различные названия по роду тех смешанных с другими частей, число которых преобладает. В снеге, к примеру, больше белизны и холода, чем черноты и тепла, но когда снег тает и превращается в воду, это происходит из-за того, что в смеси становится больше тепла и черноты. Но какая-то доля двух этих первоначал уже содержалась в снеге до этого. В результате получается, что при таянии снега не происходит внезапное создание чего-то из ничего, а возрастает степень чего-то. Никогда не происходит так, что вдруг начинает быть то, чего только что не было, но существуют изменения в интенсивности перемешанных между собой первоначал.

Изначально первоначала находились в беспорядочном хаосе. Творцом Космоса был Мировой Ум. Он бесконечен и не смешан ни с какой вещью. («Все, что имеется, было совокупно, – писал Анаксагор, – затем пришел Ум и установил в нем распорядок»). Ум находится в состоянии вечного познания мира и благодаря этому постепенно начинает управлять им.

Именно Ум привел первоначальную смесь в движение таким образом, что она стала кружащимся и расширяющимся вихрем. В результате этого вращения из нее выделились противоположности: тяжелые частицы в большинстве случаев относил в центр, где из них складывалась наша земля, а более летучие частицы, в том числе огромное количество воздуха, были вытолкнуты наружу. В этих рассуждениях Анаксагор в основном следовал за Анаксимандром, но он дополнил его учение следующими весьма существенными идеями. Он считал, что из центра формирующейся

твердой земли на определенном этапе были выброшены огромные глыбы камня, которые не упали обратно из-за огромной скорости своего движения. Солнце, Луна и планеты – такие раскаленные камни в небе, а метеориты – камни меньшего размера, которые упали на землю, когда потеряли ту скорость, которая удерживала их в небе.

В отличие от Анаксимандра, Анаксагор отрицал возможность возникновения жизни из неживого. По его мнению, живое и неживое возникли одновременно из мирового хаоса. Потом жизнь была занесена на Землю, сначала в простой форме, а потом усложнялась в ходе развития. В других мирах развитие жизни могло пойти иначе, чем на Земле. (Анаксагор высказал любопытное предположение, что чудовища, упоминаемые в мифах – это неземные существа; так, к примеру, немейский лев, убитый Гераклом, - «упал с Луны»!)

Ум не только создал Вселенную, но и продолжает управлять ей. Оставаясь «несмешанным и чистым», он заполняет собой все. Во всем есть какая-то доля этого космического ума; что касается человека, то у него эта доля большая. Но каким образом Ум осуществляет себя в этом мире Анаксагор не объяснял. Эта тема оказалась у него неразработанной, он оставил ее для последующих поколений философов.

Идеи Анаксагора произвели сильное впечатление на образованных афинян. Простой народ, впрочем, был равнодушен к философии. Он не предавал особого значения умозаключениям великого клазоменца до тех пор, пока по городу не стали распространяться его вольные суждения о богах. Ходили слухи, что чужеземец объявляет гром не грозным голосом владыки богов Зевса, а звуком, возникающим при столкновении грозных облаков. А некто, втесавшийся в число учеников Анаксагора, уверял будто тот назвал Гелиоса «глыбой, огненной насквозь, величиною поболее Пелопоннеса». Поначалу подобным нелепостям не хотели верить, однако вскоре в театре была поставлена трагедия анаксагорова ученика Еврипида. На этот раз слова философа о Гелиосе слышали из уст актера тысячи зрителей. Враги Перикла поспешили воспользоваться этим и в 431 г. до Р.Х. привлекли Анаксагора к суду. Старику грозила смертная казнь за нечестие, но защитником наставника выступил сам Перикл. Он спросил: дает ли его жизнь какой-нибудь повод к нареканиям? И услышав, что нет, сказал: «А между тем, я ученик этого человека! Так не поддавайтесь клевете и не казните его, а послушайте меня и отпустите».

Периклу удалось смягчить сердца судей. Анаксагора приговорили к штрафу в пять талантов (его внесли в казну его ученики) и изгнанию. На следующий день кто-то из друзей, провожая Анаксагора, сказал сокрушенно: «Как же ты будешь жить,

лишившись общения с афинянами?» - «Это они лишились общения со мной», - ответил философ, поднимаясь по сходням. (Похоже, Анаксагор действительно не придавал большого значения месту, где живет. Рассказывают, что кто-то сокрушался при нем из-за того, что обречен умереть на чужбине. «Не тревожься! – успокоил его Анаксагор, - спуск в Аид отовсюду одинаков!»)

Корабль, принявший изгнанника был из небольшого городка Лампсака. Но слава о мудрости Анаксагора пришла и сюда. Здесь у философа появились новые ученики. Когда, спустя короткое время, он занемог, правители города пришли к его ложу и спросили, есть ли у него какое-нибудь желание. «Пусть, - сказал умирающий, - в месяц и день моей смерти учащиеся будут освобождены от занятий». Умер Анаксагор в 428 г. до Р.Х.

2) Эмпедокл

В рассказах Диогена об обстоятельствах жизни Эмпедокла из Акраганта (ок. 490 до н. э. — ок. 430 до н. э.), он изображается таким же чудотворцем и колдуном, как Пифагор. Эмпедокл пользовался при жизни большим почетом среди своих сограждан, а после смерти в его родном городе ему была воздвигнута статуя. Он жил не уединенно, подобно Гераклиту, а оказывал большое влияние на ход государственных дел Акраганта, подобно Пармениду в Элее. О его смерти, так же как и о других обстоятельствах его жизни, создано много легенд. По одним рассказам, он внезапно исчез после пира, по другим – он находился на Этне со своими друзьями, и они вдруг потеряли его из виду. Однако тайна того, что с ним действительно произошло, была выдана тем, что одна из сандалий Эмпедокла была выброшена Этной и найдена одним его другом; благодаря этому стало ясно, что он бросился в Этну, чтобы таким

образом уйти от взоров людей и создать мнение, будто он, собственно говоря, не умер, а был перемещен к богам. Вкратце его общая мысль формулирована Аристотелем следующим образом: «Эмпедокл присоединил к трем – огню, воде и воздуху, – из которых каждый тем или другим философом признавался раньше первоначалом, еще и землю, как четвертый материальный элемент, и сказал, что эти элементы всегда существуют, что они не возникают, а только в большем или меньшем количестве соединяются воедино и выделяются из этого единого».

Относительно абстрактного понятия их отношения друг к другу Аристотель (*Metaph.*, I, 4) говорит далее, что Эмпедокл пользовался, как первоначалами, не только четырьмя элементами, но также и дружбой и враждой, которые уже встретились у Гераклита. Сразу ясно, что они представляют собой нечто другое, чем вышеуказанные четыре элемента, так как они, собственно, суть нечто всеобщее. Четыре элемента природы суть для него реальные первоначала; а дружба и вражда – идеальные. Характерным для Эмпедокла является то, что он представляет себе их единство как смешение. В этом синтетическом соединении необходимо выступает противоречие, состоящее в том, что полагается то единство элементов, то их разделение, а не всеобщее единство, в котором они существуют в качестве моментов и в котором они в самом различии являются непосредственно единым. Нет, эти два момента, единство и различие, отделены друг от друга, а соединение и разделение суть совершенно неопределенные отношения. Эмпедокл говорит в первой книге своей поэмы о природе: «Нет природы, есть лишь смешение и разделение смешанного, и только люди называют это природой».

Таковы главные моменты эмпедокловой философии. «Если мы возьмем это воззрение последовательно и согласно здравому размышлению, – пишет Аристотель, – а не так, как о нем лепечет Эмпедокл, то мы скажем, что дружба есть первоначало добра, а вражда – зла, так что можно в известной мере сказать, что Эмпедокл, и притом он первый, выставляет зло и добро как абсолютные первоначала, потому что добро есть первоначало всего благого, а зло – всего дурного». Аристотель высказывается дальше с порицанием о ближайшем значении и определении этих двух всеобщих первоначал, дружбы и вражды, как соединения и разделения. Он говорит, что «Эмпедокл не всегда последовательно применяет их и в них самих не сохраняет их определенности, ибо часто любовь у него разделяет, а вражда соединяет. А именно, когда вселенная благодаря раздору разъединяется на элементы, огонь соединяется благодаря этому воедино, а также каждый из

других элементов». Разделение элементов, связанных друг с другом во вселенной, необходимо есть вместе с тем соединением частей каждого элемента между собою; то, что собирается на одной стороне, отделяясь от других, есть в качестве стоящего отдельно также и нечто соединенное в себе. «А когда все элементы вследствие дружбы опять сходятся в одно, частицы каждого элемента по необходимости опять разделяются». Самослияние в одно есть некое многообразие, различное соотношение четырех отдельных элементов; соединение есть, следовательно, вместе с тем и разделение. Так обстоит вообще дело со всякой определенностью: она необходимо должна быть противоположностью в самой себе и проявлять себя как таковая. Это – глубокое замечание, что нет вообще соединения без разделения и разделения без соединения; тождество и нетождество представляют собой такие определения мысли, которые не могут быть отделены друг от друга.

Что касается отношения между двумя идеальными моментами, дружбой и враждой, и четырьмя реальными элементами, то оно не носит характера разумного отношения, так как Эмпедокл, согласно Аристотелю (*Metaph.*, XII, 10), не проводит между ними надлежащего различия, а координирует их друг с другом, так что мы часто видим, что он перечисляет их друг за другом как элементы одинакового достоинства. Но само собою разумеется, что Эмпедокл проводил различие между этими двумя сторонами – реальной и идеальной – и заявлял, что мысль есть их соотношение.

Справедливо говорит Аристотель, что «Эмпедокл противоречит самому себе и явлению. Ибо то он говорит, что ни один из элементов не возникает из других, а все другое возникает из них, то утверждает, что они становятся целыми благодаря дружбе и из этого единого становятся снова множеством благодаря раздору. Таким образом, благодаря определенным различиям и свойствам одно становится водою, а другое – огнем и т.д. Если же устранить определенные различия (а их можно устранить, так как они возникли), то очевидно, что вода возникает из земли, и обратно. Вселенная еще не была огнем, землей, водой и воздухом, когда они были единым, так что остается неясным, признавал ли он, собственно говоря, сущностью единое или множество». Так как элементы сливаются в одно, то их определенность, – т.;, благодаря чему вода есть вода, – ничего не представляет в себе, т.е. они переходят один в другой; но это противоречит утверждению, что они представляют собою абсолютные элементы, или, иначе говоря, противоречит утверждению, что они существуют в себе. Действительные вещи Эмпедокл, таким образом, рассматривал как

смесь элементов, но, в противоречии с предполагаемой первоначальностью последних, он затем мыслит, что все благодаря дружбе и вражде возникает из одного первоначала. Это обычное безмыслие есть вообще характерная черта внешне синтезирующего представления: оно фиксирует то единство, то множество и не может связать обе мысли; одно, как снятое, есть также и не одно. (Гегель «Лекции по истории философии»: 1; 1; 1; E; 2).

3) Атомисты

Куда бы не переселялись из Малой Азии ионяне, везде начинала клокотать и бурлить философская мысль. Так было с Кротоном, так было с Элеей, так было и с Абдерой – небольшим городком на фракийском побережье. Именно здесь в первой половине V в. до Р.Х. зарождается замечательное по своей красоте и научному предвидению атомистическое учение. Его основоположником древние единодушно называют некоего Левкиппа. К сожалению, об этом человеке, высказавшем одну из самых глубоких и плодотворных гипотез в истории мировой науки, сохранилось крайне мало сведений. Мы очень приблизительно представляем время, в которое он жил (но, по видимому, Левкипп был младшим современником Парменида), и даже область, из которой он был родом (одни говорят, что он был из Милета, другие – что с острова Мелос). Достоверно только, что он жил и преподавал какое-то время в Абдерах, потому что из этого города происходил самый знаменитый его ученик – будущий философ Демокрит.

Учение Левкиппа дошло до нас в пересказе более поздних авторов, ведь ни одно из его сочинений не сохранилось. Все существующее, считал Левкипп, образованно из смеси первоначал, к каковым он относил, во-первых, атомы (которые представляли собой как бы мельчайшие частицы бытия) и, во-вторых, пустоту (философ указывал, что она есть доподлинное небытие). Видим отсюда, что Левкипп не соглашался с утверждением Парменида о том, что небытия не существует. Напротив, он прямо утверждал, что «небытие существует несколько не меньше, чем бытие». При этом небытие понималось им как абсолютная пустота, обладающая свойствами во всем противоположными бытию; она – бесплотна, едина, беспредельна и бесформенна. Неделимая единица бытия – атом (атом в переводе с древнегреческого означает «то, что не делится»), напротив, абсолютно плотен (то есть не содержит в себе никакой пустоты), множественен и оформлен. Сам по себе атом исключительно мал, но бытие, как совокупность атомов, также беспредельно, как небытие. Атом вечен, неизменен и неделим.

Левкипп считал, что существует множество разновидностей атомов, отличающихся друг от друга по форме и величине. Их важнейшим свойством является, прежде всего, движение. Оно присуще им от природы, и вечно отталкиваясь, атомы передают движение друг другу. Другое свойство атомов – это их способность соединяться друг с другом, образуя бесконечно многообразный мир вещей. Левкипп, однако, полагал, что сами по себе атомы лишены каких бы то ни было чувственных свойств – цвета, запаха, звука и т.п. Все эти качества возникают у человека вследствие взаимодействия атомов и органов чувств.

Как относился к богам Левкипп – не известно. Что касается Демокрита, то он был решительным материалистом. По его мнению, даже душа состоит из атомов, а мышление является физическим процессом. Он не верил в распространенную тогда религию и выступал против Мирового Ума Анаксагора. Вселенная в целом – это беспредельная пустота, наполненная многими мирами, чье число бесконечно, и все они образованы беспредельным числом атомов. Вопрос, зачем возник мир и кто его сотворил, атомисты даже не ставили. По-видимому, они считали, что возникновение миров и их гибель – игра случайности и естественных законов природы. В общих чертах картина рождения нового мира описывалась следующим образом: Из беспредельности отделяется и несется в великую пустоту множество разновидных атомов. Скапливаясь, они образуют единый вихрь, а в нем, сталкиваясь друг с другом и всячески кружась, разделяются по взаимному сходству. И так как по своей многочисленности они уже не могут кружиться в равновесии, то легкие атомы отлетают во внешнюю пустоту, словно распыляясь в ней, а остальные остаются вместе, сцепляются, сбиваются в общем беге и образуют некоторое первоначальное объединение в виде шара. Из того, что уносилось к середине и держалось там, появляется земля, а из более легких и подвижных атомов – вода и воздух. Другие атомы, имеющие огненную природу, дают начало светилам. Вслед затем, из неживого по законам природы без всякого творца и разумной цели возникает живое. Все окружающие нас вещи, да и мы сами, представляют собой более или менее сложное сочетание атомов. Их соединение производит возникновение, а разложение и разделение – гибель. Но сами атомы вечны и неуничтожимы. В их подвижности и перемещениях следует видеть причину постоянного изменения мира.

Из сказанного видно, что учение атомистов замечательным образом соединило в себе сразу несколько направлений философской мысли древних греков. Прежде всего, он подвел итог многолетним исканиям милетских мудрецов, последователей Фалеса, упорно пытавшимся определить что есть первоначало мира. Вместе с тем,

Левкипп нашел возможность примирить взгляды Гераклита и Парменида. Ведь мир, состоящий из атомов, текуч и изменяем, при всем том, что бытие остается вечным и неизменным.

5) Фукидид

Фукидид (ок. 460 — ок. 400 до н. э.) принадлежал к одному из первых и знатнейших родов в Афинах. По матери он происходил от марафонского героя Мильтиада, отец его был фракийский принц, имевший, впрочем, права афинского гражданства. Как Кимон значительную часть своего огромного богатства получил из фракийских владений родственников по матери, так и Фукидид обязан был своим богатством золотым рудники, которые он имел на берегу Фракии, против острова Фасоса, в Скапте Гиле («Изрытый лес», «Лес с рудниками»).

Фукидиду выпала счастливая доля – жить и действовать в наиболее блестящую и великую эпоху, – в то время, когда Афины, под руководством Перикла, достигли высшего развития своих сил, когда там процветали наука, поэзия и искусство, когда жили Софокл и Еврипид, когда Фидий и Мнесикл, Иктин и Калликрат создавали прекраснейшие произведения пластики и архитектуры. Множество замечательных людей стремилось тогда в Афины, являвшиеся центром оживленного и разнообразного умственного движения. Это движение и общество многих выдающихся личностей, в которое Фукидид, благодаря своему богатству и знатности, мог легко иметь доступ, должно было иметь на него весьма благотворное влияние и содействовать всестороннему развитию его духа. Учителем Фукидида биографы называют философа Анаксагора, с которым он

разделял свободное отношение к суеверию и к ходячим религиозным представлениям. По свидетельству Марцеллина, от старших софистов Фукидид также перенял кое-что, по крайней мере, относительно выработки слога, хотя он и не был их настоящим учеником.

С руководителем афинского государства, Периклом, Фукидид был, кажется, в близких отношениях; он похож на него по образованию и характеру, и вполне сходится с ним в своих политических принципах и убеждениях. Принимал ли Фукидид участие в политической жизни своей родины, и какое именно, – об этом мы имеем известия, одно другому противоречащие. Марцеллин уверяет, что Фукидид не участвовал в политической жизни и никогда не говорил публично, что он не занимал никакой государственной должности, кроме должности стратега в 424 г. до Р. Х. Напротив того, Дионисий Галикарнасский говорит, что афиняне несколько раз выбирали Фукидида на должность стратега и на другие почетные должности. Большую часть своей жизни Фукидид провел, без сомнения, в Афинах; но его имущественные дела, вероятно, нередко заставляли его предпринимать поездки во Фракию, так как надзор за имениями и в особенности наблюдение за работами на золотых приисках требовали его личного присутствия. Этим и объясняется, что Фукидид, как он сам говорит, пользовался большим влиянием среди фракийских династов. Во время чумы 430 и 429 г. до Р. Х. он был в Афинах; сам подвергся болезни и видел страдания других. В своем историческом сочинении (II, 48 и сл.) Фукидид подробно описывает весь ход развития чумы, «затем, чтобы, если эта болезнь появится снова, можно было узнать ее посредством точного наблюдения её признаков».

424 год до Р. Х. , 8-й год Пелопоннесской войны, когда Фукидида избрали одним из десяти стратегов, круто изменил его судьбу. Спартанцы послали своего лучшего полководца, Брасида, с войском в Халкидику и на фракийское побережье. Зимой того же года Брасид двинулся на Амфиполь. В этом городе начальствовал афинский стратег Эвкл, а Фукидид с небольшой эскадрой из 7 кораблей стоял у острова Фасоса, находящегося только на полдня пути от Амфиполя. Брасид надеялся овладеть городом посредством неожиданного нападения; но Эвкл защищался очень энергично и тотчас же послал к Фукидиду за помощью. Фукидид немедленно двинулся к Амфиполю. Но так как Брасид боялся прибытия Фукидида, который пользовался большим влиянием, то он и предложил гражданам осажденного города сдаться на самых выгодных условиях. Таким образом, Амфиполь капитулировал перед пелопонесцами прежде, чем Фукидид успел явиться на место.

Раздраженные этой неудачей афиняне направили весь свой гнев на Фукидида, тем более, что он был человек знатный и богатый. Сам Фукидид говорит только (V, 26), что после события при Амфиполе он 20 лет находился в изгнании; но каким образом последовало это изгнание – об этом историк, вообще очень скупой на рассказы о самом себе, умалчивает. Различные биографы сообщают: «Афиняне изгнали Фукидида, вменив неудачу ему в преступление», – «афиняне изгнали его, потому что его оклеветал Клеон», – «Фукидид был изгнан за измену». Насколько эти известия исторически достоверны, мы не знаем.

Несчастье Фукидида для мира стало счастьем. Уже при самом начале Пелопоннесской войны Фукидид верно угадал её всемирно-историческое значение и решил написать её историю. Заблаговременно, с большой осторожностью и старательностью, он стал собирать исторический материал, частью – насколько было возможно – наблюдая и изучая события лично, частью получая достоверные сведения через других лиц. Чрезвычайное богатство Фукидида давало ему возможность иметь достоверных корреспондентов во всех пунктах театра войны и в тех местах, где происходили вызванные войною переговоры. После того как он удалился в изгнание, у историка появилась возможность лично посетить места, где происходили интересовавшие его события, в том числе и Пелопоннес, понять и прочувствовать взгляды обеих воюющих сторон, что позволило ему встать выше борьбы партий (I, 22; V, 26).

Марцеллин говорит, что Фукидид-изгнанник отправился прежде всего на остров Эгину, а оттуда во Фракию, в Скапте Гиле, где впоследствии показывали платан, под тенью которого он работал над «Историей Пелопоннесской войны». Оттуда Фукидид нередко предпринимал свои научные поездки, путешествия, по-видимому, и за пределы собственной Греции. Сицилийский историк Тимей говорит, что Фукидид во время своего изгнания жил в Италии; здесь, конечно, следует разумеать непродолжительное пребывание его в Великой Греции. Во время поездки в Италию Фукидид, вероятно, побывал и в Сицилии, и в Сиракузах, где во время Пелопоннесской войны могуществу афинян был нанесен такой страшный и важный по своим последствиям удар. Фукидид, вероятно, собрал в Сиракузах самые подробные сведения об этой катастрофе; по крайней мере некоторые события сицилийской войны, в которых действующими лицами были сиракузяне, ему известны лучше, чем события, происшедшие среди афинян.

Мы ничего не знаем о последних годах жизни Фукидида. Большая часть источников говорят, что он сделался жертвою убийства; только анонимный биограф, да, как кажется, один из (трех)

Марцеллинов (§ 44), говорит, что он умер от болезни. Его гробницу, с надписью: «Фукидид, сын Олора, из Галима, здесь погребен», – показывали в родовом склепе Кимона, близ Мелитидских ворот, рядом с гробницею его тетки, прекрасной Эльпиники, сестры Кимона.

С «Историей Пелопоннесской войны» Фукидида начинается новый исторический стиль. Труд его во многих отношениях представляет прямую противоположность «Истории» Геродота. У Геродота проявляется энтузиазм времени Персидских войн; у Фукидида мы находим рационализм эпохи греческого просвещения; Геродот пишет простым, легким, ясным языком народа, и рассказ его действует на воображение читателей; язык Фукидида по своей сжатости требует большого внимания, чтобы быть понятным; он умеет высказывать очень многое немногими словами; он писал только для образованных людей и обращается не к фантазии, а к рассудку читателей, влагает в рассказ результаты своих глубоких размышлений. У Фукидида есть поэзия, но не в общем характере труда, а в живости, с какою изображены эпизоды действия. Геродот, в своем поэтическом настроении, находит удовольствие в сказаниях прошлого и в народных преданиях, понимая и излагая события без глубокой критики, с наивной доверчивостью. Фукидид в «Истории Пелопоннесской войны», как чисто аттический писатель, проникнутый преимущественно практическим духом, всецело занят политической жизнью настоящего. «Мое сочинение, – говорит Фукидид, – будет, может быть, менее привлекательно для слушателей, по отсутствию в нем всего сказочного; но оно будет полезно для тех, которые желают получить ясное представление о событиях прошедшего, а также и о том, что, по ходу человеческих дел, может снова повториться в будущем; таким образом, оно написано для того, чтобы остаться достоянием всех времен и служить для продолжительного изучения, а не для того, чтобы только на минуту привлечь слушателей» (I, 21 и 22). Этими словами Фукидид дает понять, что он имеет в виду не только научное достоинство труда, но и его практическую полезность.

По рассказу Фукидида ясно видны причины, ход и результаты каждого события. Мотивы событий лежат, по его воззрению, в нравственных качествах человеческой природы. Фукидид везде видит действие только человеческих сил, и выводит из событий практические заключения, применимые к другим подобным положениям дел; это дает его труду характер руководства для политических деятелей.

Фукидид выбрал для исторической обработки предмет очень определенный – Пелопоннесскую войну. И он излагает эту великую драму, самым тщательным образом собрав свой материал и

очистив его с помощью глубокомысленной и добросовестной критики, с глубокою религиозно-нравственною серьезностью. Вполне отдаваясь своему предмету, Фукидид не примешивает к рассказу собственных чувств и суждений, и излагает факты просто, объективно, без искусственности и риторических украшений. В ходе событий Фукидид признает действие божества; но его религиозные верования не имеют на его изложение никакого влияния. Между тем как Геродот видит действие божества во всем, Фукидид в «Истории Пелопоннесской войны» изображает человеческие дела в чисто человеческом виде. Он упоминает о страхе людей перед божеством, об оракулах и т. п., но говорит обо всем этом совершенно объективно, как о внешних явлениях, стоящих в связи с излагаемыми событиями.

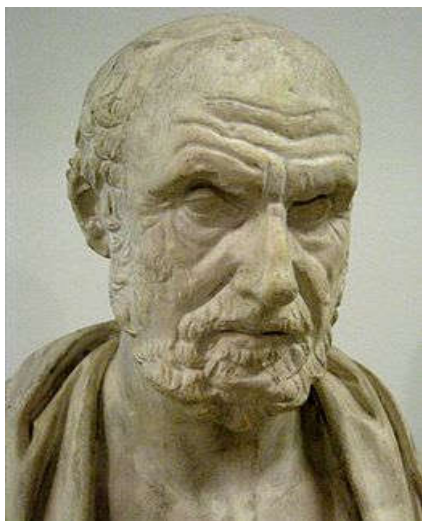
Современникам казалось и потомству кажется, что «устаами Фукидида говорит сама История». Чтобы дать ясное понятие о своем предмете и представить человеческие события в их человеческой связи, историк должен не только подробно и точно изложить внешний ход событий. Он должен указать на лежащую в основе этих событий духовную жизнь и наглядно представить характеры народов и отдельных личностей, действиями которых обуславливается ход событий. Этим талантом Фукидид обладает в высшей степени. Он умеет чрезвычайно остроумно объяснять внутренние причины внешних событий и рисует характеры весьма ярко и верно, часто в немногих словах, в большинстве случаев таким образом, что эти характеры обнаруживаются сами собою в действиях и речах. Для выяснения внутренних мотивов событий Фукидид в своей «Истории Пелопоннесской войны» употребляет оригинальное средство – речи, вставляемые им в рассказ. У греков, в народных собраниях и на других политических сходах, речи, как известно, играли важную роль; на них, главным образом, основывались решения и действия государств. Фукидид первый ввел эти народные речи в историю, между тем как у Геродота мы находим большею частью только разговоры. В этих речах Фукидид мотивирует важнейшие события, заставляя ораторов высказывать настроение отдельных личностей, партий и государств. Фукидид сообщает речи не дословно – так, как они были произнесены. «Буквально удержать в памяти речи, произнесенные с обеих сторон, – говорит он (I, 22), – было трудно как для меня, так и для тех, которые сообщали мне содержание речей, мною не слышанных; поэтому у меня ораторы говорят так, как мне казалось для каждого данного случая наиболее сообразным, причем я старался насколько возможно ближе придерживаться содержания сказанного». Фукидид передает не все речи, которые на самом деле были произнесены и имели отношение к войне. В «Истории Пелопоннесской войны»

ораторы выступают только в тех случаях, когда их речи кажутся необходимыми для уяснения мотивов событий; при этом Фукидид так умеет освоиться с духом ораторов, что их образ мыслей и характер всегда рисуются в этих речах очень ясно и живо.

Над всей «Историей Пелопоннесской войны» Фукидида господствует бесстрастное спокойствие, соединенное с высоким достоинством, которое сравнивают с возвышенным спокойствием и ясностью духа богов и героев фидиевской скульптурной школы. Но всё же под впечатлением ударов судьбы, поражавших греческие государства и в особенности родину Фукидида, Афины, рассказ его местами получает патетический характер и действует на душу, как потрясающая трагедия.

«История Пелопоннесской войны» Фукидида не доведена до конца. Восьмая книга обрывается на 411 г. до Р. Х., на середине неоконченного рассказа; незаметно также, чтобы эта книга была окончательно просмотрена автором. Здесь мы находим лишь краткие и не прямые речи, еще ожидающие искусственной обработки. Марцеллин сообщает, что некоторые приписывали составление восьмой книги дочери Фукидида – которая, по-видимому, была замечательнее его сына, Тимофея – или Ксенофону, или Феопомпу, которые оба были продолжателями Фукидида.

6) Гиппократ

Гиппократ (ок. 460 – ок. 377 до Р. Х.), которого называют «отцом медицины», считается автором обширного собрания греческих медицинских сочинений. Сведения о его жизни скудны и малодостоверны, самая ранняя из сохранившихся биографий написана Сораном Эфесским лишь пять веков спустя. Соран датирует рождение Гиппократа 460 до Р. Х. и относит период его активной деятельности ко времени Пелопоннесской войны (431–404 до н.э.); кроме того, он приводит разные мнения относительно возраста, до которого дожил Гиппократ. Все авторы согласны в том, что Гиппократ прожил очень долгую жизнь, не менее 90 лет. Эта хронология подтверждается источником того времени: в «Протагоре» Платона Гиппократ упомянут как ныне живущий врач, обучающий медицине за плату. Диалог написан в начале IV в. до Р. Х., а действие в нем разворачивается в 432 до Р. Х. Аристотель называет Гиппократа «великим», поэтому не может быть сомнения в том, что выдающийся врач, носивший это имя, действительно жил в конце V в. до н.э.

Хотя Гиппократ был уроженцем острова Кос, он, судя по всему, путешествовал и практиковал в других частях греческого мира. В античных источниках мы встречаем утверждение, что Гиппократ был вынужден покинуть Кос из-за обвинения в поджоге, но у нас нет никаких сведений о том, что свою репутацию он завоевал именно на Косе. Местом действия большинства случаев, описанных в тех двух книгах трактата Эпидемии, которые считаются принадлежащими самому Гиппократу, являются Фасос, маленький остров в северной части Эгейского моря, и Абдера, ближайший к нему город на

материке; в тех же книгах встречаются упоминания о Кизике на южном берегу Пропонтиды (совр. Мраморное море), о Ларисе и Мелибее в Фессалии. Традиционно считалось, что Гиппократ умер в Ларисе.

Дошедший до нас Гиппократов корпус («Гиппократов сборник») содержит ок. 70 отдельных сочинений, хотя ясно, что некоторые из них – части некогда единых трудов. Кроме того, здесь обнаруживается определенное перекрытие одних сочинений другими и повторы. Собрание содержит как собственные сочинения Гиппократа, так и творения других авторов, написанные в разное время. Высказывались предположения, что корпус представляет собой скорее остатки медицинской библиотеки, чем работы авторов, принадлежавших к одной школе. Некоторые из сочинений свидетельствуют о развитой научной мысли и мастерстве клинических наблюдений и потому считаются более «подлинными», чем остальные.

Вероятно, к V в. до Р. Х. относится трактат «О древней медицине», где обсуждается проблема обучения искусству врачевания. Его автор (возможно, не Гиппократ) отвергает объяснение заболевания взаимодействием натурфилософских «основных качеств» (теплое, холодное, влажное, сухое), указывает на значение диеты и роль определенных «соков» организма. Он подчеркивает, что медицина имеет дело скорее с относительными, чем с абсолютными факторами: что полезно для одного, может оказаться вредным для другого, или то, что полезно в одно время, может быть вредным в другое.

Трактат «О воздухах, водах и местностях» также относится к V в. до Р. Х. , это поистине «золотая книга», занявшая прочное место в истории науки. Автор – опытный практик, аргументировано и доказательно приступает он к рассмотрению влияния на общее состояние здоровья трех факторов окружающей среды. Болезни или предрасположенность к болезням могут быть вызваны погодными условиями, например, очень жарким летом или дождливой зимой. Во-вторых, в качестве факторов, влияющих на здоровье, рассматриваются местные климатические условия – преобладающее направление ветров, ориентация города относительно сторон света. В-третьих, на качество воды здесь указывается как на одну из непосредственных причин ряда заболеваний; даются советы, каким источникам отдавать предпочтение. Вторая часть сочинения посвящена разнообразному влиянию климатических условий на формирование национальных типов. При этом автор выказывает глубокое знание негреческих народов, особенно кочевников-скифов.

В сочинении, известном под названием «Эпидемии», дано описание течения болезней. Только 1 и 3 книги считаются «подлинными», остальные пять, по-видимому, принадлежат двум позднейшим подражателям Гиппократу. Также и в «Эпидемиях» мы видим не только беспристрастное описание отдельных случаев, но и общую статистику заболеваний и попытку соотнести ее с климатическими условиями. Указаний о лечении здесь мало, но четко прослеживается осознание того, что анализ частных случаев заболеваний может привести к установлению общих закономерностей.

Подобного рода исследования привели к развитию нового направления медицинской науки, а именно прогноза. Самое известное из прогностических произведений корпуса – «Афоризмы». Начало первого афоризма общеизвестно, хотя мало кто знает его продолжение, как и то, что он взят из Гиппократова корпуса: «Жизнь коротка, искусство [т.е. наука] огромно, случай скоропреходящ, опыт обманчив, суждение трудно. Поэтому не только сам врач должен делать все, что необходимо, но и больной, и окружающие, и все внешние обстоятельства должны способствовать врачу в его деятельности». Другое хорошо известное изречение также впервые встречается в «Афоризмах»: «В самых сильных болезнях нужны и средства самые сильные, точно применяемые». Но чаще всего здесь обобщаются наблюдения чисто медицинского характера: «Беспричинная усталость указывает на болезнь»; «Когда пищу потребляют в излишнем количестве, это ведет к болезни, о чем явно свидетельствует излечение»; «Лучше, чтобы лихорадка наступала после конвульсий, чем конвульсии – после лихорадки». Вероятно, «Афоризмы» – это не специальное сочинение, а собрание ценных наблюдений и советов из более ранних сочинений. Здесь мы находим не только краткие обобщения: в некоторых афоризмах подробно описано все течение болезни, и изучающие медицину, несомненно, находили их весьма полезными. Учение о «критических днях» появляется уже в «Афоризмах», а затем многократно встречается по всему корпусу. Благодаря клиническим наблюдениям обнаружилось, что при некоторых заболеваниях обострения происходят через приблизительно одинаковые промежутки времени после начала болезни. Особенно хорошо это прослеживалось в возвратных лихорадках при малярии. Принципу критических дней, которые определяют течение болезни в сторону улучшения или ухудшения, была дана обобщенная формулировка; особенно важным считался период в семь дней. Сочинения Гиппократова корпуса придают огромное значение соблюдению правильного режима (греч. «диета»), под которым понимается не только диета в современном смысле, но и весь образ

жизни больного. Трактат «О режиме» – самое раннее сочинение по профилактической медицине, он посвящен не только восстановлению здоровья в случае заболевания, но и его сохранению с помощью правильного режима. Знаменитый трактат «О режиме при острых болезнях», по-видимому, создан в косской школе, так как в нем критикуются воззрения медицинской школы в близлежащем греческом городе Книде. В косской медицине делается упор на индивидуальном подходе к больному и приспособлении лечения к его особенностям; специалисты квидской школы предписывали определенное лечение всякому больному. Знания физиологии в этот период находились в зачаточном состоянии. Хотя о существовании кровеносных сосудов было хорошо известно, считалось, что по ним движется не только кровь, но и другие субстанции, функции сердца и различие между венами и артериями были неизвестны. Слово «артерия» применялось, но обозначало любые крупные сосуды, а также, например, трахеи. В частности, считалось, что кровеносные сосуды переносят воздух, жизненная функция которого признавалась, ко всем частям тела. Автор сочинения «О священной болезни» (эпилепсии) использует эту идею для того, чтобы объяснить начало эпилептического припадка как результат закупоривания кровеносных сосудов флегмой. Он пишет: «Тот воздух, который идет в легкие и кровеносные сосуды, заполняя полости тела и мозг, и тем самым доставляет разумение и приводит конечности в движение». Хотя это представление и кажется примитивным, в нем трудно не увидеть предвосхищения современных знаний о процессе насыщения крови кислородом и его связи с сознанием и мышечной деятельностью. Труднее всего было объяснить, как усваивается организмом пища, превращаясь в ткани, кровь, кость и т.п. Самым распространенным было следующее объяснение: пища, например хлеб, содержит мельчайшие невидимые частички всех тканей организма, они отделяются друг от друга, а потом тело их соответствующим образом накапливает.

Каких бы взглядов ни придерживались сами практикующие последователи Гиппократов, общественное мнение отрицательно относилось к вскрытию трупов. Поэтому анатомия была известна главным образом благодаря изучению ран и травм. В корпусе имеется ряд работ по хирургии, в основном посвященных ранам различных видов. Два сочинения, «О переломах» и «О суставах», возможно, являются частями одного большого труда, полный текст которого утрачен. Раздел «О суставах», посвященный вправлению вывихов, где подробно описывается знаменитая «скамья Гиппократов», вполне возможно, восходит непосредственно к истокам греческой медицины. Самый знаменитый хирургический

трактат «О ранах головы» известен точным описанием черепных швов и поразительной рекомендацией производить трепанацию черепа (вскрытие и удаление части кости черепа) во всех случаях контузии или трещины. С тех самых пор, как этот совет был дан автором трактата, он неизменно приводит хирургов в недоумение, но тон, которым высказана рекомендация, настолько тверд и определен, что не оставляет сомнений: автор использовал эту операцию в своей практике.

Гинекология и акушерство также не обойдены молчанием в корпусе, они рассматриваются в ряде сочинений, например в трактатах «О женских болезнях», «О болезнях девушек», «О семимесячном плоде», «О восьмимесячном плоде». Эти трактаты демонстрируют обширные знания; но, как обычно, практика опережала теорию, и описания процессов размножения наивны и ошибочны. Безапелляционное заявление, что семя собирается из всех частей тела, аналогично учению о росте тканей организма за счет отделения от пищи мельчайших однородных им частиц. Никакая другая теория на тот момент не была в состоянии объяснить возникновение организма. Среди сочинений по акушерству есть трактат «О рассечении плода в матке», по которому виден уровень профессионального мастерства врачей гиппократовой школы.

Соотношение медицины и религии, нашедшее отражение в Гиппократовом корпусе, – интересная и сложная проблема. Люди всегда были склонны связывать болезни, а тем более эпидемии с немилостью богов. В Илиаде эпидемия, которая поражает греческую армию под Троей, приписывается гневу Аполлона: если бога умиловить, она прекратится. Авторы Гиппократова корпуса критикуют представления о божественном происхождении болезней, полагая, что любое природное явление имеет естественную причину. Особый страх в те времена вызывала эпилепсия, которую называли «священной болезнью». В корпусе есть сочинение с таким названием, оно начинается с полемического выпада против знахарей и врачей-шарлатанов, которые, окутывая этот недуг религиозной тайной, претендуют на его излечение с помощью песнопений и очистительных церемоний. Автор трактата пишет: «Мне кажется, что это заболевание ничуть не более священо, чем все прочие, но имеет ту же природу, что и другие заболевания, и потому-то и возникает». Критика автора направлена не против религиозных верований как таковых, но против «магов, очистителей, шарлатанов и обманщиков, которые прикидываются имеющими благочестия более всех других и больше всех других смыслающими».

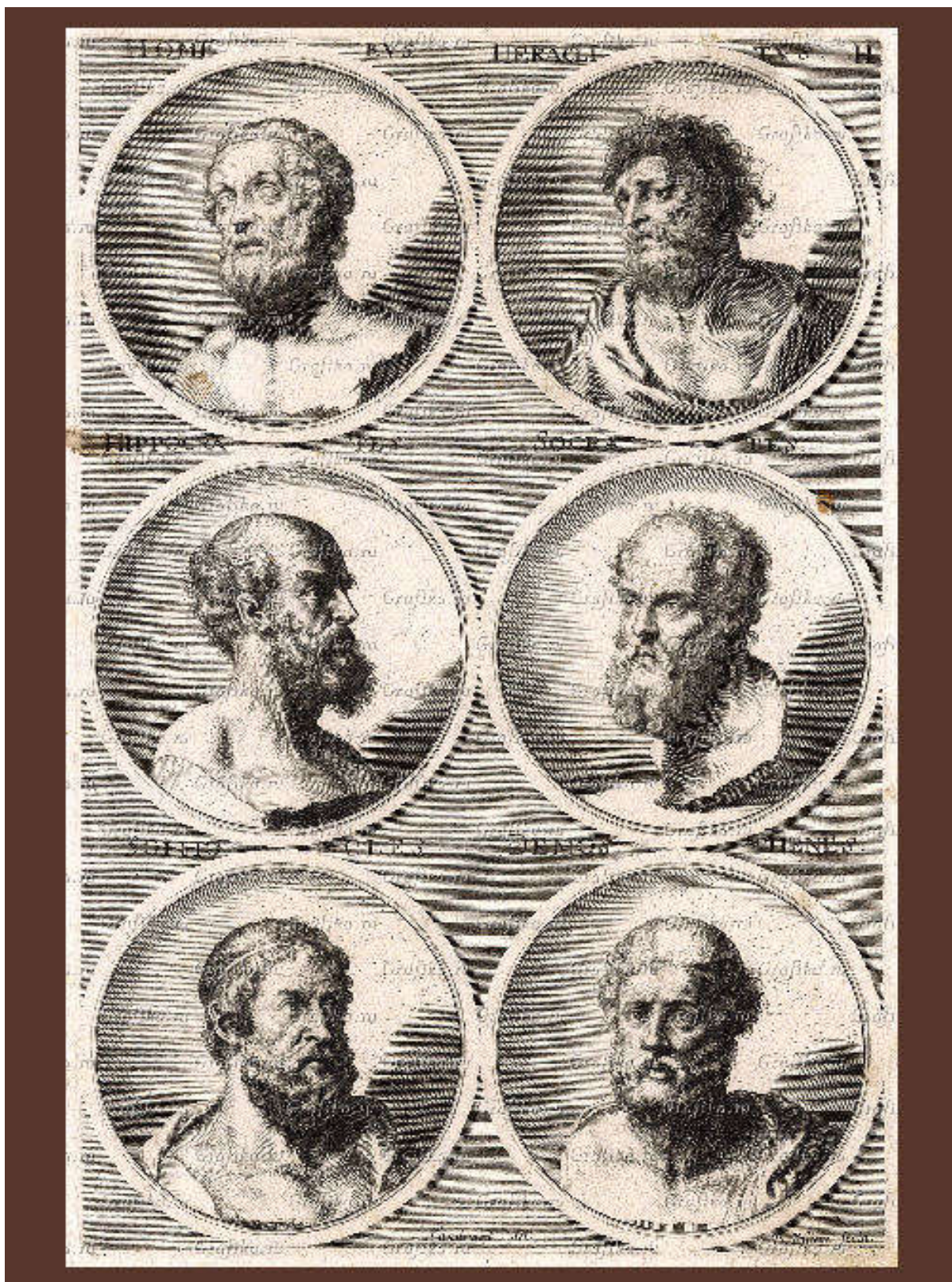
Подобный подход мы видим и у автора раздела «О сновидениях», которым завершается сочинение «О режиме». Автор оставляет в стороне вопрос о том, действительно ли вещие сны посылаются небесами, чтобы предостеречь государства или отдельных людей, и согласен оставить исследование этой проблемы профессиональным толкователям снов. Он лишь отмечает, что многие сны – результат определенных состояний организма. Толкователи ничего не могут с ними поделать, единственное, что им остается – посоветовать видящему сны молиться. «Молитва, – допускает автор фрагмента, – это хорошо, но, взывая к помощи богов, человек должен взять часть ноши на себя».

Содержащаяся в корпусе клятва Гиппократов позволяет судить о практической деятельности раннегреческой медицинской школы. Некоторые ее места кажутся загадочными. Но она замечательна своим стремлением установить высокие моральные нормы врачебной профессии.

Конец части 1

Продолжение следует

Заверба мигроети

Публикация на Форуме

